

1914-1918

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

АЛЕКСАНДР
УШАКОВ

Александр Ушаков

Прощание славянки

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ушаков А.

Прощание славянки / А. Ушаков — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-3-85-658811-4

Можно ли было бы избежать вступления России в войну, и почему именно Германия развязала ее? Почему к концу войны Россия осталась без армии и кто был в этом виноват? Была ли Первая мировая война Отечественной войной и какую роль она сыграла в Судьбе России? Именно на эти и многие другие вопросы мы и попытаемся ответить в нашей книге. Поэтому мы не будем детально разбирать военные операции, а проследим, как их успехи и неудачи отражались на жизни нашей страны. Попытаемся мы по мере сил разобраться и в таких сложных вопросах, как философские, социальные экономические аспекты войны и как эту самую войну в свете всех этих аспектов готовили в Германии. И, конечно, рассказать о тех людях, которые отдавали свои жизни за нашу страну. Отдавали не потому, что им приказывали их отдавать, а потому что не могли иначе. Около двух миллионов наших соотечественников сложили свои головы на полях сражений Первой мировой войны. Ни газовые атаки, ни многократное превосходство противника, ни отсутствие боеприпасов не смогли сломить русского солдата. В тяжелейших условиях он совершал героические подвиги и в очередной раз спас Европу, сражаясь на самых критических направлениях. И эта книга – призыв помнить и чтить их Светлую Память...

ISBN 978-3-85-658811-4

© Ушаков А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Вместо введения. Забытая война	6
Часть I. Выстрелы в Сараево	9
Глава I. «София, не умирай...»	9
Глава II. Casus belli	20
Глава III. Вызов	32
Глава IV. Угол отражения...	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Ушаков

Прощание славянки

Вместо введения. Забытая война

«Мы проиграли проигравшей Германии. По сути, капитулировали перед ней, а она через некоторое время сама капитулировала перед Антантой.

И это результат национального предательства тогдашнего руководства страны».

«Люди, которые отдали свои жизни за интересы России, не должны быть забыты»

Владимир Владимирович Путин

В 1911 году Елена Андреевна Третьякова, вдова Сергея Михайловича Третьякова, родного брата основателя Третьяковской галереи Павла Михайловича, подарила Николаю II собрание изобразительных материалов и документов по истории русских войн и военных трофеев.

Император распорядился на основе этой коллекции создать музей, для которого в Царском Селе была построена Государева Ратная палата.

С началом Первой мировой войны было принято решение разместить в ней галерею Георгиевских кавалеров и трофеи, привезенные с фронта.

Художники написали около 500 портретов георгиевских кавалеров на холстах по фотографиям и описаниям сослуживцев.

Так Ратная палата превратилась в музей Великой войны.

В новый музей принимались портреты солдат и офицеров Русской императорской армии, заслуживших три или четыре георгиевских креста и полный бант (с 1-й по 4-ю степень) георгиевских медалей.

24 июня 1915 года в манеже Адмиралтейства, была открыта выставка военных трофеев.

Выставка состояла из нескольких отделов.

Один из них включал произведения изобразительного искусства, документы, фотографии и предметы снаряжения германских и австрийских солдат.

Особую часть коллекции составили вещи, подобранные на полях брани после окончания сражений.

В их число входили карты, фотографии, документы, книги, предметы германской и австрийской амуниции и снаряжения, оружие и даже подбитый цеппелин.

По распоряжению императора был выделен специальный участок для погребения погибших и умерших чинов Царскосельского гарнизона.

Этот участок стал называться «Кладбищем Героев», переименованным позже в Первое Братское кладбище.

На его территории 18 августа 1915 года состоялась закладка временного деревянного храма в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» для отпевания погибших и умерших от ран воинов.

После окончания войны вместо временной деревянной церкви предполагалось возвести храм – памятник Великой войне по проекту архитектора С. Н. Антонова.

В 1915 году начальник Царскосельского Дворцового правления князь М.С. Путятин согласно воле императора запросил в войсках материалы для музея.

Особо ценные военные трофеи доставлялись в Царское Село для представления самому императору. Многие из таких трофеев стали экспонатами Ратной палаты.

В феврале 1917 года было завершено возведение всего комплекса зданий и создана экспозиция.

Народный Музей Великой войны 1914–1917 годов открыл свои двери для посетителей. К сожалению, его работа продолжалась недолго, и в 1918 году музей был закрыт.

В годы революционного хаоса многие экспонаты музея были вывезены из Царского Села, рассредоточены по государственным хранилищам, некоторые были уничтожены.

В 1918 году в здании Ратной палаты был создан народный музей войны 1914–1918 годов, но уже в 1919 году он был упразднён, а его экспонаты пополнили фонды других музеев и хранилищ.

В 1938 году временная деревянная церковь на Братском кладбище была разобрана, а от могил воинов остался заросший травой пустырь.

Так из народа вытравливалась память об одной из самых страшных войн, в которой погибло более 20 миллионов человек, а с карты мира исчезли Германская, Османская, Австро-Венгерская и Российская империи.

О той самой войне, которая поначалу называлась Великой, а потом Второй Отечественной.

Однако со временем война получила название «германской», а с начала активизации деятельности большевиков превратилась в «империалистическую».

После прихода большевиков к власти ни о какой Великой и Отечественной войне не могло быть и речи, и за Первой мировой прочно закрепилось название «империалистическая».

Ничего удивительного в это мерзкой метаморфозе не было.

Таковой ее обозвал В.И. Ленин, что по тем глухим временам означало абсолютную истину.

Как это ни печально, но в советское время у нас не помнили и не чтили героев, павших в боях за свою Родину во Второй Отечественной.

Изредка упоминался Алексей Брусилов, да и то благодаря его переходу на сторону большевиков.

У нас почти отсутствовали памятники, связанные с событиями 1914–1918 годов.

Что же было на самом деле?

Была ли Первая мировая война Отечественной войной и какую роль она сыграла в Судьбе России?

Можно ли было бы избежать вступления России в войну, и почему именно Германия развязала ее?

Почему к концу войны Россия осталась без армии и кто был в этом виноват?

Именно на эти и многие другие вопросы мы и попытаемся ответить в нашей книге.

Мы не будем детально разбирать военные операции, а проследим, как их успехи и неудачи отражались на жизни нашей страны.

Попытаемся мы по мере сил разобраться и в таких сложных вопросах, как философские, социальные экономические аспекты войны и как эту самую войну в свете всех этих аспектов готовили в Германии.

И, конечно, расскажем о тех людях, которые отдавали свои жизни за нашу страну.

Отдавали не потому, что им приказывали их отдавать, а потому что не могли иначе.

«Не говорите, что Русский народ – раб, – писала в этой связи газета «Киевлянин» в начале войны. – Это великий и любящий народ.

Русский народ глубоко любит свое Отечество. Не касайтесь его святынь и уважайте его народное чувство».

Около двух миллионов наших соотечественников сложили свои головы на полях сражений Первой мировой войны.

Ни газовые атаки, ни многократное превосходство противника, ни отсутствие боеприпасов не смогли сломить русского солдата.

В тяжелейших условиях он совершал героические подвиги.

«Никто не забыт, ничто не забыто» – эти святы слова должны быть применимы к любой войне, где лилась кровь русского солдата.

И это не дань патриотизму, это – дань исторической памяти, поскольку русский солдат всегда защищал или спасал...

Часть I. Выстрелы в Сараево

Светлой памяти всех павших на полях сражений Первой мировой войны русских людей посвящаю я эту книгу...

«Преступление нуждается лишь в предлоге»
Аристотель

Глава I. «София, не умирай...»

Весной 1914 года наследник престола, эрцгерцог Франц Фердинанд, получил приглашение посетить Боснию.

Будучи генеральным инспектором вооруженных сил, он должен был присутствовать на военных учениях и убедиться, что дух солдат в боснийских гарнизонах по-прежнему высок, дисциплина превосходна, а желание умереть за императора переполняло всех и каждого.

Имелись у кронпринца и личные причины для визита в столицу Боснии.

14 лет назад он наперекор всей своей родне женился на дочери обедневшего чешского дворянина Софии Хотек.

– Моя супруга, – заявил он отцу, – не будет претендовать на королевский титул, а наши дети – на престол. Я обещаю!

– Я огорчен твоим своеволием, – ответил император. – Но, если ты так упрям, женись...

Полученное высочайшее дозволение отнюдь не означало того, что послушник прощен и что ситуация в скором времени разрешится сама собой.

На официальных приемах супруга по-прежнему не могла сидеть рядом с эрцгерцогом, а во время торжественных процессий находилась позади его.

Да и в будничной жизни ее положение можно было сравнить с положением отверженной.

В провинциальной Боснии все должно быть по-другому.

Прекрасная София всегда будет рядом с супругом, вместе с ним она посетит школы и детские дома и покажет, что ей не чужды родительский интерес и материнское сострадание.

Сложно сказать почему, но эрцгерцог, который не был наивным человеком, был уверен в том, что после того, как об этих визитах узнают в Вене, столичная знать устыдится своего презрения к его жене и примет ее в свой круг.

За несколько дней до отъезда сербский премьер-министр Сербии Никола Пашич предупредил наследника о возможном покушении.

Коненчо, Пашич не имел в виду чего-то конкретного, но он хорошо знал, что покушение возможно в любой момент.

Франц-Фердинанд ни словом не обмолвился об этом предупреждении в разговоре с супругой, а встревоженным приближенным сказал:

– Не беспокойтесь! За последние 12 лет я пережил три покушения, и этого достаточно, чтобы разувериться в могуществе полиции и уверовать во всеисилие Господа. Как Он пожелает – так и будет! Пусть пресса сообщит, что изменений в сроках визита и программе ожидать не следует...

Как явствовало из его слов, он давно уже был фаталистом и считал, что сбудется то, чему суждено было сбыться.

На следующий день во всех газетах появились исполненные патриотического пафоса статьи, а преисполненный самых лучших ожиданий эрцгерцог забыл (или сделал вид, что забыл) о столь серьезном предупреждении.

А зря...

Читал эти статьи и Гаврило Принцип со своими друзьями: 18-летними Неджелко Кабриновичем и Трифко Грабецом.

Все они были членами тайного общества боснийской молодежи «Млада Босна», созданного в 1912 году для освобождения Боснии и Герцеговины от австрийской оккупации и объединения с Сербией.

Лидером «Млады Босны» был Владимир Гачинович.

По своей сути это были самые обыкновенные террористы, а потому ничего нового изобретать не стали.

Да и зачем?

Юные революционеры рассуждали просто: император Франц-Иосиф никогда не откажется от своих владений, поэтому любые конституционные способы бессмысленны, а значит...

Бомба – кардинальное средство, пули – лучшие пилюли, а террор – кратчайший путь к автономии и независимости.

В своем нетерпении добиться хоть каких-то видимых результатов молодые люди предпочитали пользоваться методами русских эсеров и анархистов.

Потом народ сам решит, оставаться Боснии суверенной или объединиться с Сербией в единое государство – оплот православия на Балканах.

Свое название организация заимствовала у итальянской революционной подпольной организации «Молодая Италия», оснего вывод ованной Джузеппе Мадзини.

В борьбе за освобождение лидеры «Млады Босны» ведущую роль отдавали образованным, политически активным слоям.

– Народ, – говорил один из идеологов движения Милош Пьянчич, – ничего не сможет сделать без вождя. Эту роль должна взять на себя интеллигенция и, прежде всего, студенческая молодежь...

Движение было сербско-националистическим.

При вступлении в организацию новый член давал клятву до конца жизни быть верным организации.

Среди других романтиков-патриотов в силу террора свято верил и черноволосый юноша с голубыми глазами – Гаврило Принцип.

Он родился в 1895 году в небольшом селе близ границы Боснии и Далмации. Семья его была достаточно состоятельной, чтобы определить Принципа в университет Белграда.

Гаврило показал себя способным студентом, особенно отличаясь в изучении сербохорватской литературы.

Преподаватели не могли нарадоваться на одаренного юношу, однако было в самом способном студенте нечто такое, что заставляло их настораживаться.

Не отличавшийся разговорчивостью Принцип упорно водил дружбу со сверстниками, которые вместо того, чтобы прилежно корпеть над учебниками, увлекались новомодными политическими идеями и открыто излагали свои крамольные, с точки зрения австрийских шпионов, мысли.

Приятной наружности молодой человек не интересовался девушками и не употреблял алкоголь, что для студента было более чем странно.

Впрочем, у Принципа были куда более важные занятия, нежели ухаживание за девушками и излияние души над рюмкой сливовицы.

Он был революционером и заговорщиком, что предполагало частые отлучки и обязывало держать язык за зубами.

Им владела одна, но пламенная мечта – освобождение Боснии от австрийского гнета!

И во имя этой самой мечты Принцип был готов отдать жизнь.

Излюбленным местом встречи членов организации в Сараево было городское кладбище.

Они собирались по ночам у могилы молодого террориста Богдана Жераича, погибшего в 1910 году во время покушения на австрийского наместника в Боснии М. Варешанина, строили планы на будущее и мечтали о подвиге во имя родины.

«Я, – признавался потом Принцип, – часто приходил на могилу Жераича, просиживал там целую ночь и думал о наших делах, о тяжелом положении нашего народа...»

Но еще больше он, судя по всему, думал о личном подвиге. Как и любой фанатик, смерти, как ему во всяком случае казалось, он не боялся.

В те дни эта далеко не святая троица, была занята подготовкой покушения на боснийского губернатора Оскара Потioreка.

Узнав о визите в Боснию эрцгерцога Франца-Фердинанда, молодые люди изменили свои планы и решили убить кронпринца, чья смерть вызвала бы куда больший резонанс, нежели убийство генерала.

Возмутило их и то, что визит эрцгерцога был приурочен к столь трагической для всех сербов дате – 28 июня.

Ведь именно в этот день после поражения под Косово была утрачена государственная независимость Сербии, превратившейся после поражения в вассала Турции.

В 1459 году страна была включена в состав Османской империи и, таким образом, попала под многовековой турецкий гнет, задержавший экономическое, политическое и культурное развитие сербского народа.

Что же касается Боснии, то она попала под власть турок в 1463 году.

В 1482 году та же участь постигла и Герцеговину.

И именно в этот столь печально памятный для всей страны день должен был умереть австрийский захватчик.

Говоря откровенно, террористы вряд ли в те дни вспоминали о косовской трагедии. И куда больше их волновало настоящее.

Все дело было в том, что наследник престола, будучи образованным и умным человеком, уже тогда подумывал о создании Австро-Венгро-Славянской империи.

И именно это вызывало у сербских террористов особую ненависть к нему.

«Они, – пишет А.Буровский в своей книге «Смоубийство Европы и России», – понимали, что мало найдется дураков жить в нищей вздорной Сербии, если можно быть рановправными гражданами богатой и могучей Австрийской империи».

Именно поэтому, по словам Буровского, Фердинанд и вызывал у сербских экстремистов такие же чувства, какие Александр II у народовольцев.

Достать револьверы и бомбы террористам помог их соотечественник Милан Цыганович.

– А как вы собираетесь попасть в Боснию, – спросил он молодых людей, вручая им оружие.

– Нам поможет «Черная рука»! – сказал Принцип.

«Чёрная рука» (другое название «Единство или смерть») представляла собой южнославянскую тайную националистическую организацию, имевшую своей целью объединение южнославянских народов в одно государство.

Организация была основана в мае 1911 и просуществовала до 1917 года. Она стояла в длинном ряду похожих националистических тайных организаций, образованных в 19 веке на Балканах.

Сразу же после создания организации ее члены совершили покушение на австро-венгерского губернатора.

«Млада Босна» с первого же дня своего основания сотрудничала с «Чёрной рукой», хотя цели у них были разные.

Если «Молодая Босния» придерживалась республиканских и атеистических идей и стремилась объединить балканские народы под эгидой «южнославянства», то «Черная рука» мечтала о создании Великого пансербского государства.

Во главе «Чёрной руки» стоял начальник сербской контрразведки, полковник Драгутин Дмитриевич, по кличке «Апис» (Бык).

В 27 лет он стал главой офицерского заговора, в результате которого в июне 1903 года были убиты сербский король и его жена.

Участники заговора не только не были наказаны, но стали приближёнными нового короля Петра и получили высшие военные должности.

С тех пор в сербской политике началась конкуренция между националистически настроенными военными, которым король Пётр был обязан приходом к власти, и гражданскими органами власти.

В «Чёрную руку» входил ряд офицеров сербской армии и некоторые государственные чиновники, которые были разочарованы своим правительством из-за его мягкости по отношению к Австро-Венгрии.

Их целью было создание националистических революционных организаций во всех областях, где жили сербы, причём они рассматривали хорватов и словенцев как сербов католического вероисповедания.

И именно эти направляемые «Чёрной рукой» организации должны были создать объединённое государство южных славян.

Причем, Сербии отводилась в этом процессе заглавная роль.

По своей организации «Чёрная рука» была схожа с такими организациями более раннего времени, как карбонарии, каморра и масоны, о чём свидетельствуют её ритуалы и символика.

Его члены носили за отворотами пиджаков специальные значки, подтверждающие их принадлежность к сообществу террористов.

На значке был изображен череп со скрещенными костями.

Это была не память о пиратах минувшего века, а символ жертвенности Иисуса Христа, добровольно взойшедшего на Голгофу, воскресшего и вознесшегося.

Свой «устав» «Чёрная рука» позаимствовала из «Революционного катехизиса» знаменитого русского анархиста М. Бакунина.

И надо отдать ее членам должное, все они свято исполняли свои обязанности.

Да и как не исполнять, если выходом из организации была смерть?

Намерение молодых людей убить Франца-Фердинанда понравилось Апису.

Понравилось ему и решение молодых людей покончить с собой с помощью цианистого калия и таким образом унести с собой в могилу все подробности убийства эрцгерцога.

– Мы, – заверил он молодых людей, – обеспечим вам переход границы...

Подготовка заняла несколько недель.

За это время Принцип, по совету полковника, переправил со своим доверенным лицом письмо видному писателю Даниле Иличу.

В письме, наряду с восхвалением Илича как выдающегося прозаика и пламенного революционера, содержалась убедительная просьба возглавить заговор.

Польщенный писатель по призыванию и террорист по убеждению ответил согласием, заверив, что у него есть несколько верных людей, которые обеспечат прикрытие непосредственным исполнителям.

Восторженный Принцип даже не догадывался, что Илич и Апис уже давно вынашивали план грандиозного террористического акта, который потрясет основы империи.

Как и члены «Млады Босны», они намечали на роль жертвы генерала Потioreка, но кандидатура Франца-Фердинанда оттеснила его на второй план.

Оставалось только найти людей, готовых пожертвовать жизнью во имя светлого будущего.

С появлением группы Принципа эти проблемы были решены.

Конечно, глава «Черной руки» прекрасно понимал, что дилетанты могут испортить все дело, и подвел Принципа к мысли, что руководить заговором должен опытный человек.

Тот с воодушевлением принял это предложение.

Границу с Боснией молодые люди перешли без проблем.

Да и какие могли быть проблемы, если их переход прикрывали лучшие сотрудники сербской контрразведки, которые вели их до самой столицы Боснии.

Как и было договорено, писатель встретил террористов в Сараево.

Оставалось ждать...

27 июня 1914 года эрцгерцог Франц Фердинанд по приглашению австро-венгерского наместника Боснии и Герцеговины генерала Оскара Потioreка отправился в Сараево.

Стоял великолепный солнечный день, в воздухе стоял тонкий аромат от огромного количества цветов, которые принесли на вокзал многочисленные провожавшие наследника престола и его супругу.

Несмотря на все окружавшее его великолепие и радостное настроение, воспитатель эрцгерцога епископ Йозеф Ланьи провожал своего воспитанника с тяжелым сердцем.

Весь день епископ пребывал в мрачном настроении, а вечером долго не мог заснуть, лежа с открытыми глазами и задумчиво глядя на плясавшие по стенам тени от горевших свечей.

Только в два часа ночи священник заснул беспокойным тяжелым сном.

Впрочем, спал он не долго.

Такие кошмары, как в эту ночь, его не посещали никогда.

Вот он сидит в кабинете и читает письмо своего ученика, австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда.

Странное это было письмо. В верхнем углу вместо герба было изображение лимузина.

В машине расположились шестеро: сам Франц-Фердинанд, его жена, водитель и военные – генерал и два офицера.

Вокруг автомобиля было множество людей, а какой-то молодой человек пытался протиснуться сквозь толпу.

Написанное эрцгерцогом, однако, было еще поразительнее: «Дорогой Ланьи, хочу вам сообщить, что я и моя дорогая супруга стали жертвами политического покушения».

Встревоженный странным видением епископ перекрестился, но заснуть так и не смог.

Рано утром рассказал приближенным о страшном сновидении, затем послал курьера с советом усилить охрану эрцгерцога.

Но было уже поздно.

Днем епископ получил телеграмму, где сообщалось о покушении. Все произошло точно так, как видел во сне воспитатель.

Сон оказался вещим...

Ночь на 28 июня 1914 года эрцгерцог со свитой провели в отеле «Босния» в городе Илидце, расположенном в 50 километрах от Сараева.

На следующий день Франц-Фердинанд должен был присутствовать на обеде в его честь в городской ратуше, после чего совершить ознакомительную поездку по городу.

Ранним солнечным утром поезд эрцгерцога остановился у перрона очищенного от пассажиров вокзала столицы Боснии.

Кронпринц с супругой сели в открытый экипаж, из которого, как заверил их Потioreк, они могли увидеть неподдельную любовь к ним на лицах встречавших их горожан.

Через минуту кортеж из шести машин выкатил на улицу Аппель Ки. Улица была празднично украшена, в окнах многих домов красовались портреты эрцгерцога.

Вскоре автомобили уже ехали по набережной реки Милячка.

Было 10 часов утра.

На набережной толпилось множество зевак. А посмотреть было на что: в своей синечерной генеральской форме и шлеме с зеленым плюмажем эрцгерцог выглядел весьма внушительно.

Не менее импозантно смотрелась и красавица-герцогиня в светлом шелковом платье с красным поясом и белоснежной шляпке.

Когда процессия медленно проезжала через мост, из толпы выскочил Неделко Кабринович и бросил в автомобиль венценосной четы гранату.

– Бомба! – закричал шофер.

Эрцгерцог поднял руку.

Граната упала на сложенную брезентовую крышу автомобиля и скатилась под колеса следующей машины.

Там она и взорвалась.

Несколько человек у дороги были посечены осколками.

Два офицера в изувеченном автомобиле истекали кровью: у одного была расплосована рука, у другого – пробита голова.

– Вы поймали его? – спросил эрцгерцог подбежавшего к нему Потioreка.

Вместо ответа губернатор поднял руку.

Франц-Фердинанд взглянул в указанном направлении и увидел, как трое дюжих полицейских вытаскивают из воды юношу, прыгнувшего с моста в реку.

Юноша извивался и пытался дотянуться до воротника своего пиджака, где находилась ампула с ядом.

Один из полицейских ударил его по голове эфесом сабли.

Террорист дернулся и затих.

– Кажется, я ранена, – сказала Прекрасная София, с ужасом взирая на свою испачканную красным перчатку.

Кронпринц наклонился к жене. На шее женщины сочилась кровью узкая алая полоска.

– Не волнуйся, любимая, – ласково погладил он ее по плечу, – это всего царапина...

– Да, конечно, – пробормотала герцогиня. – Это пустяки. Занимайся своими делами...

Франц-Фердинанд повернулся к губернатору.

– Что с офицерами?

– Ранения серьезные, Ваше Высочество!

– В госпиталь!

– Я уже распорядился...

Пять минут спустя автомобили кортежа были у госпиталя.

Офицеров, раны которых оказались скорее страшными, нежели серьезными, передали в руки докторов.

Один из врачей осмотрел Прекрасную Софию.

Царапина действительно оказалась пустяковой – кровь успела свернуться.

– Может быть, ты вернешься в поезд? – спросил Франц-Фердинанд.

– Только с тобой! – ответила супруга.

Эрцгерцог взглянул на губернатора.

– Будут еще бомбометания?

Овладевший собой и понимавший, что дни его пребывания в губернаторской должности сочтены, генерал позволил себе дерзость:

– Вы полагаете, Ваше Высочество, тут все улицы полны убийц?

– Тогда вперед! – приказал Франц-Фердинанд. – В ратушу мы не поедem. Что намечалось на послеобеденное время? Посещение собора? Вот туда и отправимся!

Франц-Фердинанд занял свое место в автомобиле. Супруга села рядом.

Офицер из свиты эрцгерцога разместился напротив.

Еще один офицер встал на подножку, на всякий случай, закрывая своим телом наследника престола.

Потиорек подошел к своему автомобилю и сообщил шоферу об изменении маршрута.

Приказ довели до сведения водителей других машин.

Однако шофер автомобиля, в котором находились эрцгерцог с супругой, остался в неведении относительно того, что ехать в ратушу ему надо окружным путем по главным улицам.

Из-за этой накладки автомобиль эрцгерцога у моста Латейнер свернул с набережной Аннеля на узкую улицу Франца-Иосифа.

– Не туда! – закричал генерал Поттиорек. – Стой!

Автомобиль кронпринца остановился из-за запрудившей улочку толпы, пришедшей поглазеть на эрцгерцога.

Шофер стал подавать машину назад.

Гаврило Принцип и Трифко Грабец уже знали, что брошенная у моста бомба ранила совсем других людей, а их друг Неделко Кабринович арестован.

Как и было предписано планом, они стали выбираться из толпы. Но в этот самый момент автомобиль эрцгерцога вдруг появился на улице Франца-Иосифа и остановился в нескольких метрах от них.

Принцип достал пистолет и двинулся к машине. Стоявший рядом полицейский попытался остановить его, но Грабец ударил полицейского ногой по колену.

Тот вскрикнул и упал.

Принцип сделать семь выстрелов.

Первая пуля пробила шею эрцгерцога и застряла в позвоночнике.

Вторая пуля попала в живот Прекрасной Софии. Вначале герцогиня даже не поняла, что ранена.

Она рванулась к мужу, из шеи которого лилась кровь. Но силы оставили ее, и она сползла к ногам кронпринца.

– София, не умирай, останься жить для наших детей, – прохрипел Франц-Фердинанд и потерял сознание.

В поднявшейся суматохе водитель развернул автомобиль и, отчаянно сигналив, помчался к резиденции губернатора.

Там врачи констатировали смерть супругов.

Пребывание эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараеве продлилось всего 65 минут.

Утром следующего дня тела кронпринца и его супруги в сопровождении усиленного военного эскорта отвезли на станцию, откуда траурный поезд направился в Вену.

Возможно, Франц-Фердинанд и был фаталистом, однако четвертое покушение оказалось для него роковым.

«Покоряя огнем и мечом Боснию и Герцеговину, – писала французская газета «Аксон», – граф Эренталь (бывший министр иностранных дел Австро-Венгрии), прежде чем сойти в могилу, вложил оружие в руки террористов и подготовил убийство военного шефа Австрийской империи.

Покушение 1914 года – только трагический рефлекс удара 1908 года.

Когда угнетен целый народ, нужно ожидать народного взрыва».

Газета была права, и именно события 1908 года во многом определили развитие дальнейших событий.

Ведь именно тогда в Европе разразился Боснийский кризис – международный конфликт, вызванный аннексией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в октябре 1908 года.

Боснийский кризис 1908–1909 годов привёл к углублению противоречий между Антантой и Тройственным союзом, явившись одним из этапов на пути к Первой мировой войне.

Кризис испортил отношения между Россией и Сербией с одной стороны и Австро-Венгрией с другой и едва не привёл к большой европейской войне.

Германия дала понять России и Антанте, что окажет Австро-Венгрии любую необходимую помощь.

Наметился отход Италии от Тройственного союза.

В рамках Антанты также вскрылись серьёзные противоречия: союзники не оказали России весомую поддержку в босно-герцеговинском вопросе и оказались не готовы удовлетворить притязания России в Восточном вопросе в целом, оставив Россию наедине с Германией и Австро-Венгрией.

Что же касается российского общественного сознания, то Боснийский кризис рассматривался им как «дипломатическая Цусима» и национальное унижение.

Эта самая Цусима привела к тому, что политические партии России приступили к выработке собственных программ в области внешней политики.

В основе внешнеполитических концепций российских буржуазных и помещичьих партий лежали два главных постулата.

Во-первых, восстановление и упрочение великодержавного положения России на международной арене, реализация лозунга «Великой России», выдвинутого П.А. Столыпиным.

Во-вторых, большинству партий правительственного и либерального лагеря было присуще ясное осознание того, что англо-германское соперничество являлось в то время доминирующим фактором международных отношений.

Его исход не мог быть безразличным для России.

Победа Англии в мировом соперничестве сопровождалась бы меньшим нарушением европейского равновесия, нежели победа Германии, которая грозила России низведением ее до уровня второстепенной державы.

Поэтому в отношении выбора внешнеполитической ориентации среди партий правительственного и либерального лагерей царило значительное единодушие.

Практически все они после боснийского кризиса выступали за укрепление союза с Францией и отношений с Англией при известной свободе балансирования между Антантой и Тройственным союзом «соответственно собственным целям».

После по сути дела формального урегулирования Боснийского кризиса напряжение в мире не спадало, и то, что происходило в дипломатических кабинетах и генеральных штабах в середине 1911 года, чуть было снова не привело к мировой войне.

А все дело было в жестокой борьбе между Германией и Англией и Францией за колониальное могущество в Африке.

В частности, шла напряженная борьба Германии с Францией из-за Марокко.

Германия в 1911 году войну не начала.

Но отнюдь не в силу своего миролюбия.

Ларчик открывался куда проще: Германия еще не была по-настоящему готова к войне, начиная от общественного мнения и кончая военным флотом.

Но в то же самое время уже очень многим политическим наблюдателям было совершенно ясно и то, что как только Германия получит мощную армию и флот, она под тем или иным предлогом начнет войну.

Так, еще в 1907 году высокопоставленный чиновник британского министерства иностранных дел Айра Кроу, составил секретный меморандум под названием «О текущем состоянии отношений Британии с Францией и Германией».

«Германская империя, – писал он, – намерена играть на мировой арене гораздо более серьезную, доминирующую роль, нежели та, что отведена ей в рамках нынешнего распределения материальных ресурсов и власти.

Эта ситуация может привести Германию к стремлению унижить соперников и увеличить собственные силы за счет расширения своих владений, нарушить сотрудничество между другими странами и в конечном итоге – разрушить и вытеснить с мировой арены Британскую империю».

Усилиями австрийской и германской дипломатии союзники России – Сербия и Черногория, оказались в изоляции, а по престижу России был нанесен чувствительный удар.

Сами же Балканы превратились в самый настоящий «пороховой погреб» Европы.

Ничего иного не могло и быть. Император Франц-Иосиф был стар, дряхл и немощен.

Его империя – огромна, разношерстна и строптивая.

Истоки этой строптивости, как полагали в Вене, находились у южных границ Австро-Венгрии – на Балканах. Там никак не могли успокоиться.

Новое обострение военно-политической ситуации произошло в 1912–1913 годах.

Попытки русской дипломатии предотвратить военный конфликт не увенчались успехом.

Первой начала военные действия 7 октября Черногория.

18 октября войну Турции объявили Болгария и Сербия, а на следующий день к ним присоединилась Греция.

Союзные войска в течение месяца разбили турецкую армию.

Сербские войска вышли к Адриатическому морю, а болгарские – к Чаталджинским высотам, находившимся в 45 км от Константинополя.

Захват Константинополя болгарам казался неминуемым.

3 ноября Турция обратилась к Великим державам с просьбой о мирном посредничестве.

Мирная конференция была открыта в мае 1913 года в Лондоне.

30 мая был подписан мирный договор, по которому почти вся европейская территория Турции, за исключением Константинополя и прилегающей к нему области, а также о. Крит и Эгейские острова, передавались странам-победительницам.

По условиям этого договора Османская империя, в какой уже раз наступив на горло собственной песни, признала независимость Албании.

Однако уже очень скоро возникшие споры по территориальным вопросам привели ко второй Балканской войне, теперь уже между странами-победительницами.

Спор возник между Грецией и Сербией, с одной стороны, и Болгарией, с другой, из-за Македонии, территория которой при распределении ее между ними по договору не была разграничена.

30 июня 1913 года Болгария, подстрекаемая Австро-Венгрией и Германией, обещавшими ей поддержку, двинула свою армию на штурм греческих и сербских позиций.

Однако греческие и сербские войска, хорошо подготовившиеся к нападению, нанесли болгарам тяжелое поражение.

10 июля против Болгарии выступила Румыния, войска которой оккупировали Добруджу и двинулись к болгарской столице Софии.

Одновременно на Болгарию напала Турция.

22 июля 1913 года болгарский царь Фердинанд обратился к России с просьбой о посредничестве.

Под давлением России Греция, Сербия, Румыния и Турция согласились на перемирие с Болгарией, а 30 августа в Бухаресте открылась мирная конференция, в которой участвовали представители воюющих сторон и Великих европейских держав.

29 сентября был заключен мир, по которому Адрианополь с прилегающей к нему территорией был возвращен Турции.

Греции передавались Салоники с прилегающей областью и часть Македонии, другая часть Македонии переходила к Сербии.

Румыния получила исконно болгарскую территорию – Добруджу.

Балканские войны 1912–1913 года завершили процесс освобождения славян Балканского полуострова от многовекового османского ига, но вместе с тем явились и прологом первой мировой войны.

Между двумя противостоящими военно-политическими блоками – Тройственным союзом и Антантой разгорелась борьба за союзников на Балканском полуострове.

Антанта поддерживала Сербию, Грецию, Черногорию и Румынию, австро-германской блок – Турцию и Болгарию.

Особенно обострились отношения между Сербией и Австро-Венгрией. Первую поддерживала Россия, вторую Германия.

Ситуация была накалена до предела.

Все ждали новой провокации, на этот раз со стороны Сербии, за два года более чем в два раза увеличившей свою территорию.

Это православное государство вело себя крайне вызывающе, чувствуя поддержку российского царя и его министров, которые щедро делились с единоверцами военным и дипломатическим опытом.

Накануне войны внутривнутриполитическое положение к Сербии резко обострилось вследствие конфликта между правящей партией радикалов и военными кругами в лице их организации «Черная рута».

Радикальная партия, отражавшая интересы влиятельной, хотя и немногочисленной сербской буржуазии, ставила себе основной задачей создание «Великой Сербии» – национального сербского государства, объединяющего в своих границах.

Многомиллионное славянское население – сербов, хорватов, словенцев, живших в Австро-Венгрии, Турции и Черногории.

Эту задачу они считали осуществимой лишь при условии распада Австро-Венгрии и отчасти Турции и только при помощи России. Поэтому руководящей нитью внешней политики радикалов была ориентация на Россию.

По существу, ту же задачу ставила перед собой и Офицерская организация «Черная рука», в состав которой входили офицеры гвардии, генерального штаба, крупные чиновники.

Первый пункт устава этой организации гласил: «Общество организуется с целью осуществления национального идеала, – объединения всех сербов!»

В народной скупщине (сербский парламент) создавался оппозиционный блок, возглавляемый партией напредняков (прогрессистов), ориентированных на Австрию.

Обструкция, чинимая оппозицией, вызвала отставку кабинета 2 июня 1914 года.

Однако оппозиция не сумела сформировать правительство, и бывшему премьеру Пашечу 11 июня было поручено образовать кабинет.

Он сформировал его в прежнем составе. 24 июня скупщина была распущена, и на 14 августа назначены новые выборы.

В тот же день, 24 июня, король Петр устранился временно от власти, передав управление престолонаследнику королевичу Александру, который был тесно связан с военными кругами.

В соседней Боснии, входившей в Австро-Венгерскую империю, молодежь тоже училась у россиян, однако в нетерпении своем предпочитала методы врагов режима – эсеров и анархистов.

Вся беда была в том, что идея создания на Балканах единого государства югославских народов в начале XX века постоянно сталкивается с желанием одного из них доминировать.

Невозможность прийти к согласию вела к отсутствию в этом регионе политической стабильности, что создавало благоприятные условия для возникновения различных террористических группировок.

И одна из них, как мы видели, спровоцировала начало мировой войны, запалив и без того тлевший бикфордов шнур к балканской «пороховой бочке».

Такова была предистория того самого конфликта в Сараево, который и стал официальным поводом для начала мировой войны.

Глава II. Casus belli

В воскресенье 28 июня, в День флота, кайзер Германии Вильгельм II участвовал в парусных гонках недалеко от Киля.

Тем не менее, начальник военно-морского кабинета адмирал Мюллер позволил себе потревожить его.

– У меня плохие новости, – сказал он, поднявшись на палубу яхты кайзера со своего катера. – В Сараево убит наследник престола герцог Франц-Фердинанд...

Кайзер ничем не выразил своего удивления и после небольшой паузы спросил:

– Может быть, гонки прекратить?

– Как Вам будет угодно, Ваше Величество, – пожал плечами адмирал. – Я могу быть свободным?

– Да, конечно, – улыбнулся кайзер.

Как только катер отошел от борта яхты, кайзер взглянул на стоявшего в нескольких метрах от него мажордома майора Вильгельма фон Либенау.

– Умный человек этот адмирал Мюллер, – усмехнулся он, – а наивный. Кому-кому, а ему бы следовало знать, что сегодня он принес, возможно, самое радостное известие в моей жизни...

Он замолчал и задумчиво смотрел на горизонт.

Что видел он за ярко блестящими на солнце волнами?

Контуров новой Германии, могучей, диктующей свою волю всему остальном миру?

Возможно.

Поскольку другой Германии кайзер не представлял. И все предпосылки у его страны для мировой гегемонии были.

К этому времени Германия на второе место в мире по уровню промышленного производства (после США) и первое место в Европе.

Хорошими темпами развивались остальные сферы национального хозяйства Германии, наука и образование.

Да что там говорить, страна процветала!

В то же время геополитическое положение Германии не соответствовало растущей мощи ее монополий, амбициям крепнущего государства.

Колониальные владения Германии были весьма скромными в сравнении с другими индустриальными странами.

Из 65 миллионов квадратных километров совокупных колониальных владений Англии, Франции, России, Германии, США и Японии, в которых проживало 526 миллионов туземцев, на долю Германии приходилось всего 3,5процента.

При этом следует учитывать, что население Германии было самым многочисленным из всех стран Западной Европы.

Да, в начале XX века Германия усилила свою экспансию на Ближнем Востоке в связи с постройкой Багдадской железной дороги; в Китае – в связи с аннексией порта Цзяочжоу и установлением ее протектората над Шаньдунским полуостровом.

Точно такой же протекторат Германия установила над Самоа, Каролинскими и Марианскими островами в Тихом океане. Приобрела она колонии Того и Камерун и в Восточной Африке.

Понятно, что постоянно растущие аппетиты Германии обостряли англо-германские, германо-французские и германо-русские противоречия.

В результате на свет появились Тройственный союз в составе Германии, Австро-Венгрии и Италия и Антанта, в которую вошли Англия, Франция и Россия.

Ведущую роль в австро-германском и романо-британском блоках играли соответственно Германия и Англия.

При этом Германия стремилась завоевать достойное место под солнцем, Англия защищала сложившуюся мировую иерархию.

Помимо этого германо-французские отношения были осложнены проблемой Эльзаса, Лотарингии и Рура, а германо-русские – вмешательством Германии в Балканский вопрос и ее поддержкой там политики Австро-Венгрии и Турции.

Обострились и германо-американские торговые отношения в области экспорта продукции машиностроения в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока.

Кайзер прекрасно понимал, что марокканский кризис, Русско-японская война, захват Италией Триполитании и Киренаики, итало-турецкая война и Балканские войны являли собой лишь прелюдию к мировой войне, в которой Германия намеревалась поставить все точки над «i».

Более того, потомки арийцев, добившись ощутимого превосходства в экономическом развитии в сравнении с другими народами, стали все яростнее ощущать свое расовое, национальное превосходство.

Так, созданный в 1891 году Пангерманский союз открыто провозгласил главным врагом вошедших в него народов Англию, призвав к захвату принадлежащих ей территорий, а также к захвату земель России, Франции, Бельгии, Голландии.

Идеологическим основанием этого стала концепция о превосходстве немецкой нации, арийской расы над остальными.

В Италии велась пропаганда расширения господства в Средиземном море, в Турции культивировались идеи пантюркизма с указанием на главного врага – Россию и панславизм.

Не отставали от стран Тройственного союза и их противники.

В Англии процветала проповедь колониализма, во Франции – армейского культа, в России – доктрина защиты всех славян и панславизма под эгидой империи.

В результате росли военные бюджеты ведущих стран, развивалась военно-оборонная промышленность.

Да, пока еще производство военной продукции в Германии и Австро-Венгрии пусть и немного, но все же уступало аналогичным показателям в странах Антанты, и в случае затяжной войны или расширения своей коалиции Антанта получала явный перевес.

Но подобная перспектива не пугала кайзера, поскольку никакой затяжной войны не могло быть по определению.

Блицкриг – вот основная идея второго рейха. И далеко не случайно видные германские стратеги А. Шлиффен, Х. Мольтке, Э. Шлихтинг и Ф. Бернарди уже давно разработали молниеносной войны.

Он предусматривал быстрый победный удар на Западе при одновременных сдерживающих, оборонительных боях на восточном фронте, с последующим разгромом России.

Конечно, кайзер не строил особых иллюзий в отношении Австро-Венгрии, но и ее штаб планировал войну на два фронта: против России и на Балканах.

Более того, кайзер возлагал надежду на нейтралитет Англии в начале войны.

О том, что быть и или не быть войне, для кайзера уже давно не было и речи. Все дело было в том, чтобы ударить в самый подходящий для этого момент.

Само собой понятно, что нужен был и подходящий повод.

И вот теперь этот самый момент настал, да и повод был хоть куда...

По усам кайзера пробежала едва заметная улыбка.

Эх, генерал, генерал!

«У меня для вас плохие новости...»

Чудак!

Новости прекрасные, и теперь ему остается только подтолкнуть и без того давно уже рвущуюся в бой Австро-Венгрию на войну с Сербией.

А там...

Из задумчивости кайзера вывел огромной морской орел, который уселся на мачте и расправил свои мощные крылья.

Да, все так, и точно так же, как этот орел, Германия расправит свои могучие крылья над всем миром.

Кайзер еще раз взглянул на доклад адмирала и на полях написал: «Теперь или никогда». Фразу, говорившую о многом, и, прежде всего о том, что война будет.

Вслух же он сказал:

– Сербия – это разбойничья шайка, которую нужно наказать за убийство. А гонки придется прекратить! Жаль, – вздохнул он, – моя яхта была всего в нескольких милях от победы!

Он помолчал и едва заметно добавил:

– Как и Германия...

Известие о сараевском преступлении вызвало возмущение во всем мире.

Но как это часто бывает, через несколько дней о трагедии в Сараево забыли.

В Петербурге после убийства эрцгерцога в Петербурге царило безмятежное спокойствие. Русская дипломатическая машина продолжала работать обычным своим ходом.

От посла в Вене поступили успокоительные сообщения, и в министерстве были заняты такими предметами, как вопрос о 4-процентном повышении турецких пошлин, о предоставлении России места в Совете оттоманского государственного долга и о займе для Монголии.

«После первого впечатления ужаса, – писал в своих воспоминаниях министр иностранных дел России Сазонов, – волнение, произведенное этим преступлением, как в Австро-Венгрии, так и во всем свете, начало понемногу улегаться».

К тому же царственная семейка пользовалась дурной славой с 1889 года.

Именно тогда застрелился единственный наследник императора Франца Иосифа кронпринц Рудольф, убив перед тем свою возлюбленную баронессу Марию Вечера.

Правда, по другой версии, он стал жертвой тщательно спланированного политического убийства, имитировавшего самоубийство единственного прямого наследника престола.

В 1896 году умер брат Франца Иосифа, Карл Людвиг, выпив воды из реки Иордан. Именно тогда наследником престола и стал племянник императора Франц Фердинанд.

Надо сказать, что родственников Франца Иосифа убивали регулярно.

Но австрийскому императору даже в голову не пришло предъявлять ультиматум и объявлять войну Италии или Мексике из-за того, что итальянский анархист Луиджи Луккони зарезал его жену Елизавету Баварскую, а мексиканцы расстреляли любимого брата Максимилиана.

Как знать, может быть, после всех этих злоключений несчастье с эрцгерцогом было воспринято как нечто, само собой разумеющееся.

Более того, Австро-сербский конфликт не был новостью. Столкновений между Австрией и Сербией было немало в последние годы.

Много раз мир висел на волоске, но войны удавалось избежать: либо Россия из-за своей военной неподготовленности убеждала Сербию уступить, либо сама Германия, считая момент не подходящим, удерживала своего австрийского союзника.

Так что никакой особой трагедии в Европе в убийстве эрцгерцога не видели, и уж тем более не помышляли ни о какой войне.

Более того, после убийства в Сараеве венгерский премьер-министр И.Тисса выступил против любых решительных действий, поскольку прекрасно понимал, что война против Сербии может вылиться в войну против России.

Среди австрийских «ястребов» особенно выделялся начальник Генерального штаба Австро-Венгрии генерал Конрад фон Гетцендорф, который ненавидел Сербию лютой ненавистью и рвался в бой.

Чуть ли не каждый день он предлагал императору нанести превентивный удар по Сербии и Италии, и всякий раз монарх обещал «все взвесить, как следует обдумать и принять правильное решение».

Похороны наследника и его жены, дабы не вызвать возможных провокаций, прошли ночью, дипломатический корпус на похороны приглашен не был.

Это дало британской авторитетной газете «Таймс» полное основание ехидно заметить, что эрцгерцога похоронили «как собаку».

На этом, как многим тогда казалось, инцидент был исчерпан.

Однако это только казалось, и очень скоро положение изменилось.

В австрийской и германской прессе начала набирать обороты невиданная по своим масштабам антисербская и антирусская истерия.

Обывателей убеждали в том, что нити заговора против Вены ведут в Белград и Санкт-Петербург.

Все громче и громче раздавались голоса с требованием немедленно покончить с Сербией как «политическим фактором на Балканах».

Австро-венгерское правительство, а за ним и вся венская и пештская печать продолжали вести ожесточенную травлю Сербии, дошедшую вскоре до убийств и разгромов в разных городах монархии, в которых было сербское население.

Так, под прикрытием патриотического негодования велась самая бесстыдная политическая агитация с очевидной целью найти давно желанный предлог для сведения счетов с Сербией.

Наученное горьким опытом пяти предшествовавших лет, русское правительство с тревогой прислушивалось к вестям, приходившим из Вены, ожидая со дня на день какого-нибудь явно враждебного действия со стороны венского кабинета по отношению к Сербии.

И правильно делало, поскольку партия войны во главе с начальником Генерального штаба К. фон Гетцендорфом рвалась в бой, требуя воспользоваться удобным моментом и «разобраться» с уже набившей оскомину своей непредсказуемостью Сербией.

К единому мнению противоположно настроенные политики не пришли, и тогда в царившей в Вене обстановке сомнений и нерешительности было решено запросить мнение ее главного союзника.

В означенном письме Франца Иосифа, где Болгарии, как надежному, с австрийской точки зрения, фактору, отводится большая роль в будущей борьбе с Сербией, находятся следующие места, которые не допускают, по всей ясности и недвусмысленности, никаких сомнений насчет истинных намерений венской политики.

«Стремления моего правительства, – писал император Франц Иосиф кайзеру, – должны быть отныне направлены к изолированию и уменьшению Сербии.

Создание нового Балканского союза под покровительством Тройственного союза, иными словами, полное подчинение Балкан австро-германской политике, окажется только тогда возможным, когда Сербия, составляющая центр панславистской политики, будет уничтожена как политический фактор на Балканах».

5 июля Вильгельм в своем дворце в Потсдаме принял австрийского посла Л. Сегени и без обиняков заявил:

– С выступлением против Сербии не мешкать!

Тут же был одобрен конкретный план расправы с Белградом.

Канцлер Т. фон Бетман-Гольвег сказал австрийскому послу:

– Поскольку дело идет о ваших отношениях с Сербией, то германское правительство считает, что вам самим надлежит судить о том, что надо делать для выяснения этих отношений. При этом вы можете, каковым бы не было ваше решение, с уверенностью рассчитывать, что Германия, как союзница и друг Австро-Венгерской монархии, будет стоять за нее...

В частной беседе посол добавил, что и канцлер, и император Вильгельм «смотрят на немедленное выступление с нашей стороны, как на наиболее основательное и лучшее разрешение наших затруднений на Балканах».

– С международной точки зрения, – особенно подчеркнул Сегени, – канцлер считал настоящий момент более благоприятным, чем какой-либо более поздний...

Однако Германия не только подталкивала Вену к роковому шагу, но и торопила.

Так, узнав об отсрочке вручения Сербии ультиматума до отъезда президента Франции Пуанкаре из Петрограда, Яго весьма недвусмысленно заявил графу Сегени:

– Я очень сожалею об этой отсрочке. Более того, я опасюсь того, что сочувственное отношение и интерес к этому шагу в Германии может ослабеть благодаря этой отсрочке...

Судя по этой торопливости, фон Ягов боялся отстать от своего императора в проявлении «Ниbelунговой верности» к союзникам.

Да и нельзя было уже медлить...

Как не сложно догадаться, даже глухой услышал бы настойчивые призывы Берлина начать войну, а Сегени глухим не был.

«Император Вильгельм, – писал он в своем итоговом донесении в Вену, – и остальные руководящие лица подбадривают нас самым определенным образом, чтобы со всей энергией выступить против Сербии и покончить раз и навсегда с этим гнездом заговорщиков-революционеров».

Дальше Сегени объяснил своему правительству, почему Германия смотрит на эту минуту, как наиболее удобную для энергичных мер против Сербии.

«В Берлине, – писал он, – пришли к заключению, что Россия вооружается для войны со своим западным соседом, но в настоящее время еще не собирается начать ее или, вернее сказать, к ней еще недостаточно подготовлена».

«В истории, – писал по поводу поведения кайзера Германии министр иностранных дел России С.Д. Сазонов, – не найдется примера, более чреватого неисчислимыми последствиями действия человеческой воли, предпринятого с более безрассудным легкомыслием, чем это решение австро-венгерского правительства броситься очертя голову, в войну.

Из Берлина вместо запрета раздалось прямое поощрение».

Расчет немцев был прост: если Россия не вступится за сербов, то в войне один на один Австро-Венгрия их разгромит, что пойдет на пользу Центральным державам.

Если Россия все же заступится за своего исторического союзника, то разразится большая война при самых благоприятных для Берлина условиях. И главным из них была относительная военная слабость России.

«В основном Россия сейчас к войне не готова, – писал по этому поводу в июле 1914 года министр иностранных дел Германии Г. фон Ягов немецкому послу в Лондоне князю К. М. Лихновскому. – Франция и Англия тоже не хотят сейчас войны.

Через несколько лет, по всем компетентным предположениям, Россия уже будет боеспособна. Тогда она задавит нас своим количеством солдат; ее Балтийский флот и стратегические железные дороги уже будут построены. Наша же группа между тем все более слабеет.

В России это хорошо знают и по этому, безусловно, хотят еще на несколько лет покоя».

Остается только добавить, что подобно тому, как рассуждал этот видный кайзеровский дипломат в июле 1914 года, в Берлине думали многие.

Не подлежит сомнению и то, что именно немцы сделали первый и решающий шаг к мировой войне, бесцеремонно подталкивая своих младших партнеров по коалиции к крайним мерам.

Едва посол вышел из кабинета императора, как в нем появился военный министр, который доложил о степени готовности германской армии к войне.

Выслушав министра, кайзер заявил:

– С сербами надо покончить! Теперь или никогда!

Сразу после военного министра кайзер принял морского министра для выяснения степени готовности ВМФ Германии к войне.

Выслушав адмирала, кайзер Вильгельм повторил ту же самую фразу, какой напутствовал всего полчаса назад австро-венгrescoго посланника:

– С Сербией надо кончать! И чем быстрее, тем лучше! И я очень надеюсь на то, что вверенный вам флот как нельзя лучше выполнит свою задачу!

Адмирал щелкнул каблуками.

Так было принято решение о развязывании войны.

Дело было за малым: подтолкнуть или натравить, что было одно и то же, Австро-Венгрию на Сербию.

Заручившись поддержкой Германии, 7 июля 1914 года австро-венгерский Совет министров подготовил для Сербии ультиматум.

Как и советовал кайзер, он был составлен из таких требований, какие не могла принять ни одна уважающая себя страна.

Однако вручать ультиматум Вена не спешила.

Дело было в том, что 20 июля Россию с государственным визитом должны были посетить президент Франции Р. Пуанкаре и председатель совета министров Р. Вивиани.

Ультиматум было решено вручить после того как французская делегация отбудет на родину, дабы лишить союзников возможности проконсультироваться по этому вопросу.

«20 июля, – писал в своих «Мемуарах» министр иностранных дел России Сазонов, – г-н Пуанкаре прибыл в Кронштадт на эскадренном броненосце «La France» в сопровождении председателя совета министров, министра иностранных дел г-на Вивиани.

Встреча Государя с президентом произошла на Кронштадтском рейде и носила торжественный и дружеский характер.

Государь пригласил недавно прибывшего в Петроград нового французского посла Палеолога, А. П. Извольского и меня на императорскую яхту «Александрия», на которую прибыл и Пуанкаре для приветствия Государя.

Яхта затем ушла с нами в Петергоф, где в большом Петровском дворце были приготовлены для президента покои.

День был ясный и солнечный.

Никогда Петергоф еще не производил на меня такого впечатления своей красотой, как в этот день, когда он облекся во все свое царственное великолепие для приема главы французской демократии, скромная фигура которого выделялась небольшим темным пятном на фоне всего этого блеска.

Пребывание в России президента продолжалось три дня. Эти три дня оказались роковыми в истории человечества.

В течение их были приняты безумные и преступные решения, которые повергли Европу в неслыханные бедствия, покрыли ее развалинами и остановили на долгие годы нормальный ход ее развития».

Остается только добавить, что в беседе с царем на яхте «Александрия», Р.Пуанкаре заверил его в том, что в случае войны, Франция выполнит союзнические обязательства перед Россией.

Царское правительство тоже решило на этот раз не отступать перед опасностью войны, как оно трижды делало это прежде: в 1909, 1912 и 1913 годах.

Хотя обстановка в стране никак не располагала к началу военных действий, поскольку по всей России прокатилась волна забастовок.

Все началось с того, что во время разгона полицией митинга на Путиловском заводе погибло два человека.

В день прибытия в Россию Пуанкаре в столице бастовало 130 тысяч человек.

К вечеру забастовка началась и на военных заводах.

В тот же день в Харькове прошла почти десятитысячная демонстрация рабочих 7 заводов и 14 типографий.

21 июля президент Франции Р.Пуанкаре встретился с дипломатическим корпусом.

Он довольно прозрачно намекнул послу Австрии, что «у Сербии много друзей», а посла Сербии успокоил.

– Все обойдется! – сказал он.

В тот же день министр иностранных дел России Сазонов имел беседу с послом Германии в России.

Тем временем беспорядки перекинулись на другие города. В столице были произведены массовые аресты среди бастующих рабочих военных заводов.

Полиция разгромила редакцию газеты «Правда». На Выборгской и Нарвской стороне дело дошло уже до баррикад.

К вечеру началась всеобщая забастовка в Москве и на 17 предприятиях Одессы.

22 июля в столице продолжилась забастовка рабочих военных заводов и шли баррикадные бои с полицией.

В тот же день начались забастовки на предприятиях Киева.

А в это время в Красном селе император Николай и Пуанкаре проводили смотр русских войск

Во Франции в тот день закончились крупные учения военно-морского флота.

Беспорядки в столице не утихали все три дня пребывания в России президента Франции, тем не менее, визит французских лидеров прошел гладко.

Царь был настроен благодушно. Как, впрочем, и все его окружение вместе с французами.

И никто из присутствующих даже не мог себе представить, что это было прощание с прошлым.

Впереди маячили немыслимые испытания, невероятные потрясения, кровь, холод, небытие...

Пока австро-венгерское правительство раздумывало над выступлением против Сербии, дипломатия держав Антанты не теряла времени даром.

Наиболее сложной была дипломатическая игра английского правительства.

Во главе британского Министерства иностранных дел в то время стоял сэр Эдуард Грей. Это был прекрасно воспитанный, изысканно вежливый и сдержанный джентльмен.

Грей любил говорить мало и непонятно.

Собеседники Грея постоянно терялись в догадках, не зная, как надо усматривать в словах министра многозначительный намёк, или ту полнейшую бессодержательность, за которой крылось желание уклониться от необходимости говорить правду.

29 июня 1914 года Грей выразил в Парламенте свое сочувствие императору Францу-Иосифу в связи с постигшим его горем.

Но дальше дело не пошло.

Грей только наблюдал, а если и говорил, то в своем стиле, ничего не объясняя и запутывая собеседника.

6 июля Грей встретился с германским послом в Лондоне князем Карлом Лихновским, весьма интересной, надо заметить личностью.

После пребывания на различных дипломатических постах Лихновский с 1889 по 1904 работал советником политического департамента министерства иностранных дел.

В 1904 князь вышел в отставку, но в октябре 1912 вернулся на дипломатическую службу и был назначен послом в Лондон.

Назначение Лихновского в Лондон привело к временному улучшению англо-германских отношений.

Основной целью своей дипломатической деятельности Л. ставил соглашение с Англией.

Он вёл с английским правительством переговоры о Багдадской железной дороге и о португальских колониях и парафировал соответствующие англо-германские соглашения.

В дни июльского кризиса 1914 года князь надеялся, что Англия не выступит против Германии, и в своих донесениях в Берлин он старался истолковать в благоприятном смысле каждое заявление Грея и Асквита.

Когда после начала войны Лихновский вернулся в Германию, он подвергся здесь нападкам и обвинениям в том, что дал себя обмануть Грею.

Но и во время войны, основываясь на сказанных ему перед отъездом словах Грея, что Англия не стремится к уничтожению Германии, князь не терял надежды на возможность скорого заключения мира с Англией.

В 1916 году Лихновский написал записку, в которой резко осуждал прусский милитаризм и внешнюю политику Германии, возлагал на германское правительство ответственность за возникновение мировой войны.

Краеугольным камнем внешней политики Германии, по мнению князя, должен был стать союз с Россией, и тогда мир был бы обеспечен «на 1000 лет».

Записка Лихновского, опубликованная без его ведома, была переведена на английский язык и использована англичанами для антигерманской пропаганды.

Лихновский был обвинён в государственной измене. Он был вынужден сложить с себя звание посла и был исключён из прусской палаты господ, наследственным членом которой являлся.

Но все это будет потом, а пока посол сообщил Грею о том глубоком удовлетворении, которое испытал император Вильгельм по поводу визита английской эскадры в Кильскую гавань.

Поговорив о пустяках, Лихновский попытался выяснить, какую позицию займёт Англия в надвигающихся международных осложнениях.

С этой целью он заявил Грею, что австрийцы собираются предпринять выступление против Сербии.

– Надеюсь, – как ни в чем не бывало, спросил Грей, – они не собираются захватывать какую-либо территорию?

Посол поспешил заверить собеседника в том, что цель Австрии заключается не в территориальных аннексиях. Затем откровенно разъяснил позицию Германии.

– Если Германия откажет Австрии в помощи, – сказал он, – Австрия будет недовольна. Если она поддержит Австрию, возможны серьёзные осложнения с Россией.

Особое беспокойство посол выразил в отношении возможных переговоров между Англией и Россией о морской конвенции.

По его словам, именно это могло бы поощрить Россию на сопротивление Австрии.

– О чем вы говорите? – улыбнулся Грей. – Я сейчас не знаю более миролюбивой страны, чем Россия! Но если, – поднял брови министр, – какие-то осложнения всё-таки возникнут, то я сделаю всё, чтобы предотвратить грозу...

Подтвердил он и высказанное Лихновским предположение, что Англия не может допустить уничтожения Франции.

Никакой конкретики не последовало, и беседа была закончена.

8 июля Грей встретился с русским послом Бенкендорфом.

К этому времени он уже знал, что убийство наследника будет использовано венским правительством для военного выступления против Сербии и что оно получило благословление Берлина на эту акцию.

Министр обрисовал русскому послу всю серьёзность положения.

Бенкендорф внимательно выслушал Грея и заметил, что не пока видит особых поводов к тревоге.

– Я еще раз хочу обратить ваше внимание, – ответил министр, – на ту высокую вероятность австрийского выступления и враждебность Германии к России, о которой я уже имел честь доложить вам...

Сложно сказать, насколько посол проникся ощущением скорой войны, но первый сигнал тревоги пришёл в Петербург от Бенкендорфа именно из Лондона.

Затем итальянское посольство информировало Петербург об угрожающей позиции своих союзников-австрийцев.

9 июля Грей снова встретился с Лихновским.

Английский министр еще раз сообщил о миролюбивом настроении России и заверил, что Англия, не связанная с Россией и Францией какими-либо союзными обязательствами, располагает полной свободой действий.

Тогда германский посол спросил, согласится ли Англия в случае австро-сербского конфликта оказать умиротворяющее воздействие на Петербург.

– Если австрийские меры в отношении Сербии будут проведены в определённых рамках, – последовал обтекаемый ответ, – то будет сравнительно легко склонить Петербург к терпимости. Но это вовсе не означает того, что Австрия должна преступать определённый предел. В противном случае славянские симпатии могут побудить Россию обратиться к Австрии с чем-либо вроде ультиматума...

В конце беседы Грей снова заверил Лихновского, что сделает «всё возможное, чтобы предотвратить войну между великими державами».

Обратите внимание, Читатель, на тот интересный факт, что, если в беседах с Бенкендорфом Грей выступал отъявленным пессимистом, то на встречах с Лихновским он выглядел самым настоящим оптимистом.

В результате этого оптимизма Лихновский сообщил в Берлин, что Грей «был настроен весьма уверенно и в бодром тоне заявил, что не имеет оснований оценивать положение пессимистически».

И это он писал о человеке, который буквально в тот же самый день говорил Бенкендорфу, что «известия, получаемые им из Вены, ему не нравятся».

– Конечно, – ответил посол, – если Австрия попытается использовать убийство наследника, то общественное мнение в России не останется равнодушным.

– Именно поэтому, – согласно кивнул Грей, – положение и представляется мне очень серьёзным.

Беседы с Греем дали Бенкендорфу основания доложить в Петербург: «Его впечатления относительно намерений Берлина, почерпнутые из многих источников, являются не особенно благоприятными».

Возникает вопрос: почему, предупреждая Петербург, Грей не сделал предостерегающего заявления для Берлина?

Почему он даже не попытался осадить Берлин, прекрасно понимая, что он взял курс на войну.

Почему он не повторил опыта 1911 и 1912 годов?

Боялся «пацифистского» крыла кабинета, которое подняло бы шум по поводу угроз по адресу Германии?

Возможно, что это было именно так.

Но точно также справедливо и то, что избранная Греем линия поведения не только не способствовала сохранению мира, но и поощряла немецкую агрессию.

Что он должен был сделать, если хотел сохранить мир?

Грей это прекрасно знал из собственного опыта.

Когда в 1911 году, в момент агадирского кризиса, возникла угроза общеевропейской войны, английское правительство через самого Грея предупредило Германию, что Англия выступит на стороне Франции. И Германия ретировалась.

Точно так же обстояло дело и в конце 1912 года, когда заявление Англии о том, что она не останется нейтральной мгновенно отрезвило и Германию, и Австро-Венгрию.

И теперь Грею было достаточно рассеять в Берлине иллюзию о том, что Англия останется нейтральной в надвигающейся европейской войне.

Но министр этого не сделал.

На что он надеялся?

Что война ограничится участием Сербии, России, Германии и Австро-Венгрии, а интересы Британии останутся неприкосновенными?

Если так, то это было для государственного деятеля такого масштаба довольно наивно.

Но в то же самое время, с точки зрения Лондона, момент для войны был не так уж неблагоприятен для Британии.

«Ни разу в течение трёх последних лет, – говорил, – занимавший в кабинете Асквита пост первого лорда адмиралтейства У.Черчилль, – мы не были так хорошо подготовлены».

Сложно сказать относительно суши, но на море Англия была на самом деле намного сильнее Германии.

Может быть именно поэтому, незадолго до вручения австрийского ультиматума Сербии Грей отклонил предложение Сазонова о том, чтобы Россия, Англия и Франция коллективно воздействовали на венское правительство.

Вечером 23 июля броненосец «Франция» покинул Кронштадт и взял курс на Стокгольм.

Не успел еще растять на горизонте дым уносившего французского президента корабля, как посол Австро-Венгрии барон фон Гизль вручил ультиматум министерству иностранных дел Сербии.

«Момент вручения ультиматума, – писал по этому поводу Сазонов, – был подогнан венским правительством ко времени отъезда из России президента Французской Республики.

О дне и часе этого отъезда оно было заблаговременно уведомлено при содействии германского посольства в Петрограде, наводившего по этому предмету справку в русском министерстве иностранных дел.

Поручить эту справку своему собственному представителю в Вене не решились, чтобы не возбуждать подозрений.

Таким образом, граф Берхтольд хотел помешать русскому и французскому правительствам использовать присутствие в России президента республики и министра иностранных

дел, чтобы тотчас же установить общий план действий союзных кабинетов ввиду создавшегося, благодаря австрийскому ультиматуму, нового положения.

Прежде чем дать взорваться австрийской бомбе, было решено дать президенту Пуанкаре и г-ну Вивиани удалиться из России. Для возвращения во Францию им предстояло, даже при отказе от всяких остановок по пути, четыре дня плавания».

– Если в установленный срок нота не будет принята целиком, – заявил Гизль, – я потребую свои паспорта...

Ультиматум начинался со слов о попустительстве сербского правительства антиавстрийскому движению в Боснии и Герцеговине и обвинений официального Белграда в организации террористических актов, а далее следовали 10 конкретных требований.

Они гласили: «Не допускать никаких публикаций, возбуждающих ненависть и презрение к монархии (австро-венгерской) и проникнутых общей тенденцией, направленной против ее территориальной неприкосновенности.

Немедленно закрыть общество, называемое «Народная Одбрана», конфисковать все средства пропаганды этого общества и принять те же меры против других обществ и учреждений в Сербии, занимавшихся пропагандой против австро-венгерской монархии.

Королевское (сербское) правительство примет необходимые меры, чтобы воспрепятствовать образованию вновь таких обществ.

Незамедлительно исключить из действующих в Сербии программ учебных заведений, как в отношении личного состава учащихся, так и в отношении способов обучения, все то, что служит, или могло бы служить распространению пропаганды против Австро-Венгрии.

Удалить с военной и административной службы вообще всех офицеров и должностных лиц, виновных по отношению к австро-венгерской монархии, имена которых австро-венгерское правительство оставляет за собою право сообщить сербскому правительству вместе с указанием совершенных ими деяний.

Допустить сотрудничество в Сербии австро-венгерских органов в деле подавления революционного движения, направленного против территориальной неприкосновенности монархии.

Провести судебное расследование против участников заговора 15 июня, находящихся на сербской территории, причем лица, командированные австро-венгерским правительством, примут участие в розысках, вызываемых этим расследованием».

Кроме того, австрийцы потребовали:

1. Арестовать коменданта В. Танкосича и М. Цыгановича – сербских государственных чиновников, скомпрометированных результатами сараевского расследования.

2. Принять действительные меры к воспрепятствованию оказанию содействия сербскими властями в незаконной торговле оружием и взрывчатыми веществами через границу и уволить, подвергнув суровому наказанию, чинов пограничной службы в Шабаци и Ложнице, виновных в том, что оказали содействие руководителям сараевского покушения, облегчив им переезд через границу.

3. Дать австро-венгерскому правительству объяснение по поводу заявлений высших сербских чинов как в Сербии, так и за границей, которые, несмотря на занимаемое ими официальное положение, позволили себе после покушения высказаться во враждебном по отношению к австро-венгерской монархии тоне и без замедления уведомить австро-венгерское правительство об осуществлении указанных в предыдущих пунктах мер.

На ответ Белграду было предоставлено всего 48 часов.

Это было сделано для того, чтобы помешать России, Англии и Франции провести полноценные переговоры и консультации за столь короткий срок.

В день вручения ультиматума Грей в первый раз за всё время кризиса встретился с австрийским послом графом Альбертом фон Менсдорфом.

В Лондоне уже хорошо знали, какой провокационный документ заготовили австрийцы для Сербии, так как еще 22 июля «Таймс» довольно точно изложил его содержание.

Конечно, знал его и Грей. Тем не менее, он заявил Менсдорфу:

– Я не могу обсуждать ноту до тех пор, пока не увижу сам документ. Единственное, что я пока могу, так это выразить мое сожаление, что для ответа на нее дан такой ограниченный срок...

Затем он стал распространяться об ущербе, который нанесёт торговле война между четырьмя великими державами: Россией, Австрией, Францией и Германией.

О возможности участия пятой державы, Англии, Грей не обмолвился ни словом.

Донесение о беседе с Греем Менсдорф заключал следующими словами: «Он был хладнокровен и объективен, как обычно, настроен дружелюбно и не без симпатии по отношению к нам».

Если это не поощрение агрессии, то, что тогда?

На следующий день Менсдорф привез Грею копию ультиматума.

Изобразив на своем лице отчаяние, тот заявил, что это «самый страшный документ из всех когда-либо порождённых дипломатией».

В тот же день, 24 июля, Грей принял Лихновского. Он заявил ему, что, пока дело идёт о локализованном столкновении между Австрией и Сербией, министра иностранных дел Великобритании вся эта возня не касается.

– Если общественное мнение России заставит русское правительство выступить против Австрии, – сказал он, – тогда дело могло бы обстоять иначе. Если же Австрия вступит на сербскую территорию, то опасность европейской войны возрастет многократно. Всех последствий подобной войны четырёх держав, – министр сделал особое ударение на слове «четыре», подразумевая Россию, Австро-Венгрию, Германию и Францию, – совершенно нельзя предвидеть...

Как видите, о возможности вступления в войну пятой великой державы, Грей не упомянул ни словом.

Затем Грей пустился в пространные и совершенно никому не нужные рассуждения об обнищании и истощении, которое вызовет война, о возможности революционного взрыва и об ущербе, грозящем мировой торговле.

Посла проблема обнищания и истощения волновала мало, поскольку он слышал то, что так хотел услышать. Англии в числе возможных участников войны не было...

Глава III. Вызов

Если называть вещи своими именами, то венский ультиматум являл собой самый настоящий вызов.

Сербский регент королевич Александр именно так его и воспринял и 24 июля прислал Николаю II телеграмму.

«Вчера вечером, – писал он, – австро-венгерское правительство передало сербскому правительству ноту относительно покушения в Сараеве.

Сербия в сознании своих международных обязательств заявила с первых дней ужасного преступления, что она осуждает это злодеяние и готова открыть следствие на своей территории в том случае, если дело, которое ведется австро-венгерскими властями, докажет соучастие некоторых ее подданных.

Но требования, заключенные в ноте австро-венгерского правительства, несовместимы с достоинством Сербии как независимого государства и излишне для нее унижительны.

Требуется, между прочим, в категорической форме от нас декларация правительства в официальной газете, приказ короля по армии, в котором мы осуждали бы враждебный дух против Австро-Венгрии и вместе с тем высказали бы себе самим упреки за преступное попустительство по отношению к коварным проискам, далее нам ставят условием присутствие австро-венгерских чиновников в Сербии как для совместного участия с нашими в следствии, так и для наблюдения за выполнением остальных мероприятий, указанных в ноте.

Нам дают 48-часовой срок для принятия всего, в противном случае австро-венгерская миссия выедет из Белграда.

Мы готовы принять те требования Австро-Венгрии, которые совместимы с положением независимого государства, а также и те, кои ваше величество, по ознакомлении с ними, посоветуете нам принять; мы строго накажем всех тех, участие коих в покушении будет доказано.

Среди условий находятся и такие, которые требуют перемен в нашем законодательстве, и для сего нам необходимо время.

Срок назначен слишком краткий.

Австро-венгерская армия сосредоточивается около нашей границы и может нас атаковать по истечении срока. Мы не можем защищаться.

Посему молим Ваше Величество оказать нам помощь возможно скорее.

Ваше Величество дало нам столько доказательств своего драгоценного благоволения, и мы твердо надеемся, что этот призыв найдет отклик в его славянском и благородном сердце.

Я являюсь выразителем чувств сербского народа, который в эти трудные времена молит Ваше Величество принять участие в судьбах Сербии».

Теперь уже не скажет никто, о чем думал в ту минуту русский царь.

О престиже страны, о своем слове, данном сербам еще год назад, или о том, что война в любом случае неизбежна.

Но участие в судьбе Сербии он принять решил.

Сложно сказать, беспокоила ли в той же мере судьба Сербии министра иностранных дел России Сазонова, который ознакомился с ультиматумом в ночь на 24 июля, но едва появившись утром в министерстве, он воскликнул:

– Это европейская война!

«Злая воля, – писал он в своих мемуарах, – неумолимо сквозила из каждой строки этого единственного в своем роде документа».

Конечно, в Вене, прекрасно знали, какое впечатление разрыв с Сербией должен был произвести на русское правительство и на русское общественное мнение.

Для его смягчения австро-венгерскому послу было поручено передать в момент передачи текста ультиматума русскому министру иностранных дел «уверения в отсутствии каких бы то ни было намерений его правительства присоединить части сербской территории или посягнуть на суверенные права Сербии».

Однако тот смог выполнить приказ Вены только на следующий день, когда Сазонов ознакомился с ультиматумом.

Именно поэтому все прозвучавшие из уст посла уверения казались ему странными по той простой причине, что весь ультиматум, по его мнению, был «возмутительным посягательством на политическую независимость Сербии, и поэтому австрийские обещания не заслуживали никакого внимания».

Особенно если учесть то, что говорилось в австро-венгерском Совете министров 7 июля 1914 года относительно территориальной неприкосновенности Сербии и ее независимости.

«Затем, – сообщает сборник австро-венгерских дипломатических актов от 1919 года о событиях того дня, – началось обсуждение целей военного выступления против Сербии, причем было принято мнение венгерского председателя совета министров (гр. Тиссы), что Сербия, хотя и уменьшенная территориально, все же, из уважения к России, не должна быть окончательно уничтожена».

Министр-президент Цислейтании (так называлась одна из составных частей монархии Австро-Венгрии, подконтрольная австрийской имперской короне) граф Карл фон Штюркг отмечает, что было бы также желательно, чтобы династия Кара-Георгиевичей была удалена и сербская корона отдана европейскому государю и, равным образом, была установлена некоторая зависимость уменьшенной Сербии, в военном отношении, от двуединой монархии».

Вот так всего две недели назад в Вене воспринимали независимость Сербии и ее территориальную неприкосновенность.

«У меня, – писал Сазонов, – не было основания скрывать от графа Сапари мое впечатление, и я сказал ему, что я не сомневался, что Австро-Венгрия искала войны с Сербией и что для этого она сжигала за собой все мосты, предъявляя неприемлемые требования.

Я прибавил, что своим образом действий она вызывала европейский пожар».

Затем Сазонов попросил посла Бьюкенена прибыть во французское посольство для трехсторонних переговоров.

Во французском посольстве русский министр почеркнул, что Австрия никогда бы не предъявила столь дерзкого ультиматума Сербии, если бы не была уверена заранее в одобрении и поддержке Германии.

Затем он обратился к западным послам:

– Может ли Россия рассчитывать на поддержку ее партнеров в Тройственном Соглашении?

Посол Франции М.Палеолог Франции ответил утвердительно.

Посол Бьюкенен не был столь однозначен.

В три часа пополудни западные послы снова встретились с Сазоновым, который обрушился на Пурталеса с обвинениями в агрессии.

Не найдя более весомого аргумента, тот упрекнул русских в том, что они не любят Австрии.

– А за что мы должны ее любить? – удивленно воскликнул Сазонов. – Ее император был обязан русским войскам своей короной, полученной после вступления русских в Венгрию в 1849 году. Однако вместо благодарности Австрия заняла враждебную России позицию в ходе войны России с Западом в 1855 году, аннексировав без согласования с Россией Боснию и Герцеговину в 1908 году!

Высокие договаривающиеся стороны так и не смогли придти к единому мнению и на этой минорной ноте расстались.

Понимая всю призрачность своих устремлений, Сазонов, тем не менее, попытался выиграть время и обратился в Вену с просьбой продлить 48-часовой срок ультиматума.

Однако ему было в этом отказано без объяснения причин.

В Берлине точно такая же просьба Сазонова тоже не получила поддержки.

– Я, – сказал сербскому посланнику министр, – не вижу возможности дать вашему правительству лучшего, в практическом отношении, совета, чем принять австрийские требования, за исключением тех, которые касаются суверенных прав Сербии, каковыми, очевидно, ни одно правительство, не желающее променять свою независимость на положение вассального государства, не могло поступиться.

Затем министр дал в Белград телеграмму с теми же предложениями.

Сазонов очень надеялся на премьер-министра Пашича, которого считал достаточно решительным и мудрым человеком.

По его словам, «никакой другой министр, не имеющий в Европе положения Пашича и не пользующийся его авторитетом в своей стране, никогда не мог бы провести».

Как и ожидал Сазонов, Пашич оказался на высоте «страшного по своей ответственности положения» и согласился принести жертву, которая, как, во всяком случае, думали в России, могла «спасти его родину от скорой расправы».

В тот же день в Елагином дворце состоялось заседание Совета министров.

Сазонов изложил ход переговоров, вызванных вручением накануне Австро-Венгрией угрожающей ноты Сербии.

Совет министров одобрил предложение министра иностранных дел вместе с другими державами просить Австрию продлить указанный ею срок для ответа Сербии и посоветовать Сербии не принимать боя с австро-венгерскими войсками.

Вместе с тем, была принципиально решена мобилизация 4-х военных округов (Одесского, Киевского, Московского и Казанского), а также обоих флотов (Черноморского и Балтийского).

При этом было обращено внимание на то, чтобы всякие военные приготовления были бы ясно направлены исключительно на случай столкновения с Австро-Венгрией, и не могли быть истолкованы как недружелюбные действия против Германии.

После заседания совета министров состоялось свидание С. Д. Сазонова с сербским посланником, во время которого министр преподал посланнику советы крайней умеренности в отношении ответа сербского правительства на австрийскую ноту.

В 7 часов к министру иностранных дел приехал германский посол.

Он пытался оправдать образ действий Австрии, ссылаясь на то, что следствием по Сараевскому убийству, будто бы, добыты данные, устанавливающие вину сербского правительства.

Кроме того, он старался доказать правильность австрийского выступления необходимостью ограждения «монархического принципа».

Сазонов осудил действие венского кабинета и настаивал на неприемлемости для Сербии врученной ей ноты.

Говорил он и о неуважении к великим державам, выразившемся в том, что Австро-Венгрия, обратившись к ним, вместе с тем поставила столь короткий срок исполнению своих требований Сербией, что не дала возможности державам рассмотреть дело и дать своевременно свой отзыв.

Сазонов просил посла сделать все возможное, дабы побудить Берлин миротворчески воздействовать на австрийцев.

Надо ли говорить, что тот с величайшей готовностью откликнулся на просьбу министра и обещал сделать все от него зависящее.

Видевшие графа Пурталеса по выходе его от министра свидетельствуют, что он был весьма взволнован.

Он не скрывал, что твердая решимость министра дать австрийским требованиям отпор произвели на него сильное впечатление.

Посол Германии в Лондоне Лихновский назвал впечатление, произведенное в Англии ультиматумом, «ошеломляющим».

Однако вступать в игру Лондон не спешил.

Как это сейчас не покажется странным, но у англичан летом 1914 года были понятные только им основания надеяться на то, что они останутся в стороне от европейского конфликта.

Принятое восемью годами ранее так называемое «моральное обязательство» сэра Эдварда Грея не имело прямого касательства к событиям на Балканах.

Англия обязалась защищать независимость Бельгии на континенте.

После убийства эрцгерцога Фердинанда в Лондоне не видели никакой связи между сараевским убийством и неприкосновенностью бельгийских границ.

Именно поэтому у Черчилля не было предчувствия, что происходит необратимое и что спор между Веной и Белградом столкнет две коалиции.

«Для сохранения британских интересов на континенте, – писал он Грею 22 июля 1914 года, – Вы должны в своей дипломатии пройти два этапа.

Во-первых, Вы должны постараться предотвратить конфликт между Австрией и Россией.

Во-вторых, если на первом этапе мы потерпим неудачу, Вы обязаны предотвратить втягивание в конфликт Англии, Франции, Германии и Италии».

Судя по этим словам, Черчилль в любом случае предвидел длительные переговоры и все еще верил в возможность остановить начинавший свои страшные обороты маховик войны.

23 июля 1914 года Дэвид Ллойд-Джордж поделился с палатой общин своим мнением, что современная цивилизация выработала достаточно эффективные способы урегулирования международных споров, главным из которых является «здравый и хорошо организованный арбитраж».

24 июля на заседании Кабинета министров обсуждались ирландские проблемы.

Неожиданно для всех министр иностранных дел Э. Грей зачитал поступившую к нему ноту Австро-Венгрии сербскому правительству по поводу убийства наследника австро-венгерского престола.

Получив текст ультиматума утром 24 июля, Грей охарактеризовал его как «самый потрясающий документ, когда-либо посланный одним государством другому».

Оно и понятно.

Сербы ожидали ультиматума о наказании, а получили ультиматум, требующий полной сдачи – под руководством австрийских офицеров очистить страну от противников немцев.

Сам император Франц-Иосиф сказал, что «Россия никогда не примет его и будет большая война».

Глухой голос Грея завладел вниманием присутствующих.

Это была не нота – это был ультиматум, и при всей склонности Сербии разрешить конфликт было ясно, что ей трудно будет принять его.

«Европа, – написал Черчилль по этому поводу своей жене, Клементине, – трепещет, находясь на грани всеобщей войны. Австрийский ультиматум Сербии – это возмутительный документ».

Неприятно удивлен был и премьер-министр Англии Герберт Асквит, включивший Черчилля в свое правительство.

Выходец из простонародья (его отец торговал шерстью), он занялся политикой в 1886 году.

Асквит довольно быстро стал делать карьеру, чему очень способствовала его вторая жена, Марго Асквит.

Она была более честолюбива, чем ее муж, и постоянно толкала его к новым вершинам.

Асквит был известен как дамский угодник, да и сам признавал, что «питает некоторую слабость к обществу умных и красивых женщин».

В 1915 году этой «слабостью» была мисс Венеция Стенли, подруга его дочери.

За первые три месяца 1915 года он отправил ей 151 (!) письмо, и это несмотря на то, что общались почти ежедневно.

Когда же неверная Венеция вышла за его секретаря, Эдвина Монтегю, премьер пребывал в глубоком отчаянии.

После ознакомления с венским ультиматумом Асквит писал этой самой Венеции о том, что «австрийцы – самый глупый народ в Европе».

«Мы, – подчеркивал он, – в самом опасном за последние сорок лет положении».

Вечером того дня Черчилль ужинал с германским судовладельцем Альбертом Балиным.

Когда разговор коснулся австрийского ультиматума, немец спросил его:

– Что будет делать Англия, если Россия и Франция выступят против Австрии, а мы поддержим ее?

Черчилль воздержался от прямого ответа, но из его иносказаний можно было понять то, что в любом случае немцам надо избавиться от ложного представления, будто «Англия ничего не предпримет в этом случае».

– Опасность европейской войны, – сказал ему министр иностранных дел Англии Э.Грей, – сделалась бы непосредственной в случае вторжения Австрии в сербскую территорию...

Его австро-венгерскому коллеге, графу Менсдорфу, Грей заявил, что он «крайне беспокоится за сохранение мира между великими державами».

То же самое пришлось услышать австро-венгерским представителям в Париже и Риме.

Что же касается Грея, то он попросил Вену продлить срок ультиматума.

Как можно видеть, предостережений в тот день хватало, однако император Франц Иосиф, граф Берхтольд и генерал Конрад фон Гетцендорф не обратили на них никакого внимания.

Куда больше их беспокоило предупреждение их могущественного покровителя о том, что в случае дальнейшего промедления у него «может ослабнуть интерес к австро-венгерским делам».

Они хорошо помнили угрозу германского посла в Вене Чиршки.

– Германия, – заявил он сразу же после возникновения конфликта, – будет считать дальнейшие задержки переговоров с Сербией признанием с нашей стороны слабости, что нанесет ущерб нашей позиции в Тройственном союзе и окажет влияние на будущую политику Германии...

Да и потом Берлин торопил Вену выступить с ультиматумом «без задержки», как писал министр иностранных дел фон Ягов австрийскому послу в Берлине 9 июля.

Еще через три дня он потребовал от австрийского министра иностранных дел Берхтольда «быстрой акции».

– Германия, – заявил он, – не понимает причин задержки Австро-Венгрии!

И теперь руководители Австро-Венгрии даже при всем желании не смогли бы свернуть с того самого пути, на который они стали при поощрении Германии и который должен был привести Австро-Венгрию к прежней славе и могуществу.

Именно поэтому невольно поддавшийся всеобщей эйфории император Франц-Иосиф и писал своему союзнику немецкому кайзеру Вильгельму:

– Я намерен устранить Сербию с политической арены, поскольку именно в ней корень зла. Но я не агрессор, я всего лишь жажду справедливости. Поэтому Сербии будет предъявлен ультиматум...

В это связи нельзя не сказать и вот еще о чем.

Рассказывая об Австро-Венгрии, мы больше говорили об императоре Австрии, ее премьер-министре и начальнике Генерального штаба.

При этом как-то само собой венгерские лидеры уходили в тень.

А ведь один из них, возможно, самый яркий, граф Иштван Тиса был единственным политиком, кто мужественно боролся против охватившего всю австро-венгерскую верхушку военного психоза, был венгерский премьер граф Иштван Тиса.

По иронии судьбы он оказался единственным, кто поплатился жизнью за развязанную мировую войну.

Его убили восставшие солдаты в Будапеште в ноябре 1918 года, поскольку именно он в течение четырех лет, полных страданий и бедствий для всей Европы, символизировал в глазах масс войну.

Тиса был последователен в мыслях и непреклонен в поступках. Во всяком случае, до определенного момента.

Эти личные качества сделали его истинной главой военной партии в Австро-Венгрии, самым решительным из ее военных и политических деятелей сторонником продолжения войны до конца и союза с кайзеровской Германией. За это он и поплатился своей жизнью.

Тиса стал неодолимым препятствием на пути всех, кто был готов ради спасения Монархии пойти на сепаратный мир за спиной германского союзника, сделавшись главной мишенью яростных атак либерально-демократической и пацифистской оппозиции в самой Венгрии.

Новый император Карл, едва получив корону Святого Иштвана из рук самого Тисы, поспешил избавиться именно от непреклонного венгерского премьера.

Демонстрируя последовательную приверженность линии на продолжение бесперспективной войны, в успешное завершение которой сам никогда не верил, Тиса на следующий день после своей отставки отправился на фронт, где в Италии командовал дебrecенским полком венгерских гусар.

Тиса ясно сознавал, что эта война ничего хорошего не сулит ни Монархии, ни Венгрии.

Успех и неудача в равной мере пугали его: победа привела бы к усилению централизаторских устремлений венской камарильи, радикальному нарушению дуалистического равновесия и, как следствие, кардинальному падению позиций своей страны в империи, поражение угрожало ее целостности.

Он, как и вся венгерская политическая элита, преследуя свои собственные интересы, решительно выступал против любых новых территориальных приобретений как для Венгрии, так и для Австрии.

На исторических Коронных советах июля 1914 года Тиса категорически возражал против захвата сербских территорий.

Тиса был возмущен террористическим актом в Сараево, несмотря на его всем известную личную неприязнь к жертве покушения.

Еще больше его встревожила обстановка в Вене, куда он прибыл 1 июля, где царила атмосфера паники, психоза, воинственности, охватившая военное и политическое руководство империи.

В целом в империи весть об убийстве была воспринята спокойно.

По свидетельству очевидцев, Вена продолжала веселиться, а в парках и ресторанах гремела музыка,

О Венгрии, которая имела все основания опасаться как раз прихода к власти покойного кронпринца, и говорить не приходится.

Но, как мы уже знаем, в правящих кругах империи царили совсем иные настроения.

Конрад воспринял убийство наследника престола «как объявление Сербией войны Австро-Венгрии, на которое ответ мог быть только один – война».

К военному решению склонялся и Берхтольд.

В самом начале июльского кризиса Тиса испытывал сильнейшее давление со стороны своего парламента, требовавшего энергичных действий против Сербии.

Но он не только продолжал твердо отстаивать собственную позицию, но и всячески пытался успокоить оппозицию и венгерскую общественность, возмущенную попустительством властей соседнего государства международному терроризму.

В противоположность большинству австро-венгерских лидеров он давно пришел к убеждению, что конфликт с Сербией, неминуемо приведет к войне с Россией.

После Сараево на этот счет у него не осталось никаких иллюзий, и он всеми силами противился сербскому ультиматуму.

И отнюдь не ради целостности и сохранности Сербского королевства, а во избежание катастрофического для Монархии и собственной страны вооруженного конфликта с могучей, несмотря ни на что, Россией.

Именно поэтому Тиса, как мог, пытался удержать министра иностранных дел, графа Берхтольда, от рокового шага.

Он указывал на «отсутствие достаточных оснований для привлечения к ответственности Сербии», на неблагоприятную международную обстановку и соотношения сил с точки зрения интересов Монархии.

«Сербскому правительству, – не уставал повторять он, – надо дать время, чтобы доказать ему свою лояльность».

Однако под мощным давлением императора и его воинственно настроенного окружения к середине июля Тиса радикально изменил свою позицию.

В результате на решающем заседании коронного совета под председательством Франца Иосифа Тиса дал свое согласие на войну.

Многие историки считают, что радикальная перемена в позиции главы венгерского правительства от мира к войне произошла после его встреч с настроенным крайне воинственно кайзером и послом Германии в Вене фон Чиршки.

По мнению ряда венгерских ученых, главной причиной перехода Тисы на позицию партии войны была уверенность в том, что удастся привлечь на сторону Центральных держав Болгарию с тем, чтобы держать в узде колеблющуюся союзницу Румынию.

Кроме того, германское правительство, располагавшее действенными рычагами давления на Бухарест, заверило Вену и Будапешт в том, что Румыния останется нейтральной, а если и вступит в войну, то на стороне Центральных держав.

Это имело весьма важное значение, поскольку, снималась угроза нападения Румынии в тыл австро-венгерской армии и отпадала опасность вторжения румынских войск в Трансильванию.

Конечно, это был аргумент, но считать его главной причиной все-таки вряд ли возможно.

Будучи государственным деятелем имперского масштаба, Тиса в своих решениях никогда не исходил из узко венгерских национальных интересов.

Он прекрасно понимал, что и эти интересы, и само существование Венгрии неразрывно связаны с благополучием Монархии и ее отношениями с Германией.

По большому счету вопрос для него стоял: или-или.

Процветает Монархия – процветает Венгрия, хиреет Монархия – слабеет Венгрия.

Именно поэтому венгерский биограф Тисы, историк Ф. Пелёшкеи, полагал, что «вера в материальную, военную и духовную мощь Германии была и осталась самым слабым пунктом его внешнеполитической концепции, и со свойственной ему последовательностью он оставался ей верным до конца».

Многие исследователи считают, что единодушное выступление венгерской оппозиции и общественности в пользу решительных действий против Сербии сыграло свою роль в переходе главы венгерского кабинета на позиции военной партии.

Тиса склонился перед волей глубоко почитаемого им престарелого и многоопытного монарха.

За день до решающего заседания коронного совета Тиса получил послание императора-короля, в котором тот сообщал, что «придает важное значение тому, чтобы как можно скорее было устранено различие во взглядах» между венгерским премьером и другими участниками заседания.

Приняв решение, Тиса проводил политику войны решительно, целеустремленно, без всяких колебаний.

Он стал одним из соавторов сербского ультиматума, составленного графом Форгачом, положившего начало цепной реакции объявления войны.

Меньше, чем через год, Франц Иосиф предложил Тисе пост министра иностранных дел империи.

Тот вежливо отклонил лестное предложение.

– Влиять на иностранные дела, – объяснил он, – позволяет мне и нынешний мой пост из Будапешта, но покинуть Будапешт означало бы для меня уйти из венгерской политической жизни. Осуществление моих планов и их завершение важно и с точки зрения консолидации международных позиций Монархии...

В преемники Берхтольда Тиса предложил своего близкого соратника Иштвана Буриана, который и возглавил внешнеполитическое ведомство империи на Бальхаусплац.

В манифесте, обнародованном в день начала войны с Сербией, император-король взял на себя лично всю ответственность за предпринятый шаг.

– Я, – заявил он, – все взвесил, я все обдумал!

Как покажет жизнь, несмотря на свой 60-летний опыт царствования, в целом благополучного, благодаря осмотрительности самого монарха, Франц Иосиф обдумал и взвесил далеко не все.

Но как бы там не было, ярый противник войны, Тиса, превратился в ее не менее яркого сторонника. Что, в конце концов, и привело его к столь трагической кончине.

Как мы уже говорили, его убили восставшие солдаты в Будапеште в ноябре 1918 года.

Как того и следовало ожидать, австрийский ультиматум вызвал озабоченность и у высшего военного командования России.

В полдень 24 июля начальник Генерального штаба генерал Н.Н. Янушкевич вызвал начальника мобилизационного отдела генерала С.К. Добророльского.

– Судя по всему, – сказал он, – нам придется объявить мобилизацию Киевского, Одесского, Московского и Казанского округов. Мы пойдем на мобилизацию только против Австро-Венгрии, дабы не дать Германии повода вступить в конфликт. Как у нас обстоят дела с готовностью?

– Никак! – ответил несколько озадаченный таким вопросом генерал. – В Генштабе существуют планы частичной мобилизации только против Турции и Швеции. Вариант действий только против Австро-Венгрии рассматривался правительством в 1912 году и был отвергнут...

– Почему? – удивился Янушкевич.

– Тогдашний премьер Коковцов, – ответил генерал, – посчитал, что наши противники расценят как саму войну все наши подготовительные действия, как бы мы их ни назвали, поскольку мобилизация остается мобилизацией. В отсутствии у нас плана мобилизации против Австро-Венгрии сыграла свою роль и наша уверенность в том, что без поддержки Германии Вена никогда не отважится на войну с Россией. Да и мы нападать на Австрию не собирались...

Янушкевич только покачал головой.

Если называть вещи своими именами, то расчет был на извечное русское «авось».

Авось не нападут, а если нападут, то, значит, так суждено.

Но больше всего в этой истории поражает то, что начальник Генерального штаба даже не имел об этом представления!

Не в меньшей мере странно звучит вопрос и о том, готовы ли войска к мобилизации?

В организованной и мощной армии не спрашивают, готова ли она выступать, а просто отдают приказ действовать.

Впрочем, чему удивляться?

Если сам начальник Генерального штаба не знает военных планов, то, что же ожидать от его подчиненных?

– Более того, – продолжал Добророльский, – частичная мобилизация есть самое настоящее самоубийство. Германия, будем, Николай Николаевич, откровенны, в любом случае выступит на стороне Австро-Венгрии, и нам все равно придется объявлять общую мобилизацию, что технически невозможно. В этом случае нарушатся все мобилизационные расчеты, не говоря уже о том хаосе, который неизбежно начнется на железной дороге...

– Хорошо, – согласился Янушкевич, – подготовьте мне все расчеты о боевой готовности войск. Но имейте в виду, что в случае надобности мобилизация будет объявлена только против Австро-Венгрии. Германия не должна видеть в наших действиях какую-либо враждебность против нее...

Через час Добророльский снова появился в кабинете Янушкевича с начальником военных сообщений Генерального штаба С.А. Ронжиным.

После довольно долгой, а порою и чересчур острой дискуссии им с огромным трудом удалось убедить продолжавшего настаивать на частичной мобилизации обозначенных им округов начальника Генштаба в ее «стратегической опасности».

В тот же день в 15 часов в Красном Селе было созвано экстренное заседание Совета министров для обсуждения сложившейся международной обстановки.

Начальник мобилизационного отдела подготовил к этому совещанию специальную записку, в которой приводился перечень мер, необходимых, по мнению Генерального штаба, для обеспечения мобилизации.

В него входили немедленное возвращение войск из лагерей в места своей постоянной дислокации, досрочный выпуск юнкеров старших курсов военных училищ в офицеры и немедленный выпуск офицеров старших курсов военных академий, пополнение войск недостающей материальной частью, объявление крепостей и некоторых пограничных районов на военном положении, введение подготовительного к войне периода и немедленное введение военно-автомобильной повинности.

Не дожидаясь решения Совета министров, Добророльский взял на себя ответственность предупредить командующих военными округами о необходимости быть готовыми к возможной мобилизации.

В 16 часов 10 минут он направил во все военные округа телеграммы следующего содержания:

«Спешно подготовить планы перевозок и соображения по возвращению всех войск в постоянные пункты квартирования. Срок работы одни сутки».

Тем временем на заседании Совета министров было принято решение наряду с поисками возможностей мирного урегулирования австро-сербского конфликта быть готовыми к мобилизации Киевского, Одесского, Московского и Казанского округов, Балтийского и Черноморского флотов и ускорить пополнение части материальных запасов армии.

Указание о приведении в боевую готовность Балтийского флота подписал сам Николай II, утвердивший на следующий день постановление Совета министров.

Но в то же самое время на заседании снова обращалось внимание на то, чтобы все военные приготовления направлялись только против Австро-Венгрии и «не могли быть использованы как недружелюбные действия против Германии».

25 июля в Петербурге стояла страшная жара, и жителей столицы куда больше волновала возможность быстрее уехать на дачу, нежели обсуждать политические новости.

В близкую войну никто не верил, хотя все газеты дали крупным шрифтом заявление Сазонова о том, что «австро-венгерский конфликт не может оставить Россию безучастной».

Также жарко было и в министерстве иностранных дел.

Сазонов прекрасно понимал, что данные Белграду сорок восемь часов преследовали только одну цель: сделать каких-либо переговоры между заинтересованными государствами крайне затруднительными.

Пока он мог твердо рассчитывать только на помощь французского правительства.

Да и обещание президента Франции при любом раскладе сил придти на помощь России тоже кое-что значило.

Гораздо важнее (и сложнее) было добиться незамедлительного заявления о солидарности с Россией и Францией в австро-сербском столкновении от правительства Великобритании.

В России прекрасно понимали, что хотя главной зачинщицей войны выступала Вена, на самом деле вся опасность шла из Берлина, и воздействовать надо было на него.

Как считал Сазонов не только лучшим, но, возможно, и единственным средством для этого было вызвать такое заявление со стороны английского правительства.

Вся Европа прекрасно помнила то впечатление, которое произвела речь Л. Джорджа на Германию в 1911 году.

Тогда, вследствие агадирского инцидента Европа, тоже оказалась накануне всеобщей войны. Однако хватило всего одного решительного заявления британского правительства о его солидарности с Францией, чтобы разогнать грозные тучи.

Российский министр иностранных дел даже не сомневался в том, что если бы подобное заявление о солидарности держав Тройственного соглашения в вопросе об австро-сербском споре было своевременно сделано от лица правительства Великобритании, то из Берлина вместо призыва к конфликту раздались бы куда более умеренные советы.

Утром он получил донсение от Бенкендорфа, в котором тот сообщал о своих впечатлениях от позиции английской дипломатии.

«Хотя я не могу представить вам, – писал он Сазонову, – никакого формального заверения в военном сотрудничестве Англии, я не наблюдал ни одного симптома ни со стороны Грея, ни со стороны короля, ни со стороны кого-либо из лиц, пользующихся влиянием, указывающего на то, что Англия серьезно считается с возможностью остаться нейтральной.

Мои наблюдения приводят к определённому впечатлению обратного порядка».

Очевидно, не связывая себя окончательно, английская дипломатия стремилась внушить смелость России и Франции.

Грей предлагал через Лихновского, чтобы Германия воздействовала на Вену в духе умеренности.

Он настаивал, чтобы Австро-Венгрия удовлетворилась сербским ответом на австрийский ультиматум. Но так и не дал немцам прямого ответа на вопрос, будет ли Англия воевать против Германии.

Именно поэтому Сазонов во время своей первой встречи 25 июля с английским послом, сэром Д. Бьюкененом, в промежутке времени между вручением австрийского ультиматума и получением ответа, попытался убедить его в необходимости разъяснить в Лондоне российскую точку зрения на конфликт и получить согласие его правительства на решительный шаг.

Беседа с британским послом проходила в присутствии его французского коллеги М.Палеолога, энергично поддерживавшего доводы русского министра.

Сазонов сразу сказал послу, что предпринятый Веной шаг предвещал войну.

Затем он сообщил, что Сербия собирается обратиться к державам за поддержкой.

Как считал сам Сазонов, такое обращение было бы полезно. Поскольку обязательства, принятые на себя Сербией в 1908 году относительно соблюдения добрососедских отношений с Австро-Венгрией и о которых было упомянуто в ультиматуме 23 июля, были приняты перед державами, а не перед одною Австрией.

Если бы Сербия обратилась к державам, Россия готова была бы остаться в стороне, передав вопрос в руки Англии, Франции, Германии и Италии.

Казалось также возможным, что помимо этого обращения к державам Сербия предложила бы подвергнуть свой спор третейскому суду.

– Россия, – говорил министр, – не имеет никаких воинственных намерений, и она никогда не предпримет ничего, пока ее к этому не принудят. Действия Австро-Венгрии направлены столько же против России, сколько против Сербии и имеют своей целью уничтожение нынешнего статус-кво на Балканах и установление там своей гегемонии...

Сазонов замолчал.

Молчал и Бьюкенен.

Поймав его все понимающий взгляд, Сазонов вдруг почувствовал, что он ломится в открытую дверь.

Да и что такое посол?

Обыкновенный посредник, и не ему решать столь сложные вопросы войны и мира.

В Англии и без посла прекрасно понимали всю сложность ситуации.

Понимали и молчали.

По каким-то ведомым только Лондону причинам.

– Хорошо, – нарушил затянувшееся молчание Сазонов. – Оставим этот разговор, но я хочу повторить, что если Англия именно сейчас, пока еще не поздно, займет твердую позицию рядом с Россией и Францией, никакой войны не будет. В противном случае прольются реки крови, поскольку, судя по поведению Германии, она рассчитывает на нейтралитет Англии, а Англия все равно примет участие в войне. И сейчас надо оказывать давление не на Вену, а на Берлин, поскольку только он может сдержать Австрии. Что же касается России, – подвел черту под разговором министр, – то она не может позволить Австро-Венгрии раздавить Сербию и стать первенствующей державой на Балканах. Если Франция окажет нам свою поддержку, а она нам ее окажет, мы не отступим перед риском войны...

В своих воспоминаниях Асквит объяснил положение, занятое его правительством.

По его словам все дело было в том, что Лондону «не было дано серьезного доказательства, что угрожающее или хотя бы только непримиримое со стороны Великобритании положение привело бы к тому, что Германия и Австро-Венгрия сошли бы с пути, на который они стали».

Можно подумать, что бывший премьер раз и навсегда забыл, к чему привело вмешательство английского правительства в спор между Германией и Францией в 1911 году, по характеру своему не менее опасный для европейского мира, чем австро-сербское столкновение в 1914 году.

Что признавали, кстати говоря, даже такие, не чуждые некоторому шовинизму, германские государственные деятели, как адмирал Тирпиц.

– Именно английское вмешательство, – считал адмирал, – привело Германию к дипломатическому поражению...

Можно было ожидать, что такой удачный прецедент должен был бы иметь больший вес в глазах г-на Асквита в силу

Если же вспомнить то значение, которое англичане придавали прецедентам во всех областях политической жизни своей страны, то вряд ли Асквит не понимал всей значимости позиции своего правительства.

К тому же, Бетман-Гольвег не предвидел вступления Англии в войну с Германией.

Из знаменитого донесения английского посла в Берлине, сэра Эдуарда Гошена, в котором он описывает объявление войны Англией Германии вслед за нарушением ею бельгийского нейтралитета, видно, какой страшной неожиданностью оно явилось для германского канцлера.

– Я, – продолжал Сазонов, – нисколько не сомневаюсь, что Австро-Венгрия не действовала бы таким вызывающим образом, если бы не имела согласия Германии. И я очень хотел бы надеяться на то, что королевское правительство не замедлит заявить о своей солидарности с Россией и Францией...

Однако Бьюкенен не был настроен столь оптимистично в отношении своего правительства.

– У нас нет интересов в Сербии, – сказал он, тщательно взвешивая каждое слово, – и именно поэтому английское общественное мнение никогда не допустит войну из-за этой страны!

– А не забывает ли английское общественное мнение, – возразил Сазонов, – что сейчас речь идет не о ее интересах в Сербии, а об общеевропейском интересе, так как сербский вопрос является не только вопросом балканским, но и европейским? Как мне кажется, Великобритания не имеет права отстраняться от разрешения задач, выдвигаемых в связи с сербским конфликтом Австрией. Неужели вы не понимаете, – несколько повысил голос Сазонов, – что если война разразится, то Англия будет в нее вовлечена! Более того, не встав сразу на сторону России и Франции, Англия сделает войну еще более вероятной?

Посол обещал принять к сведению заявление министра иностранных дел России.

Сазонов, понимая, что не добьется от англичанина никакой конкретики, пожал плечами.

– Если вы не сделаете этого, – холодно сказал он, – то будут пролиты реки крови, и англичане, как и все мы, будут плавать по этим рекам!

Воздержание английского правительства от решительного выступления в эту полную тревоги минуту было не понято ни в России, ни во Франции.

Тем более, что все видели, какие Англия прилагала усилия, чтобы предупредить возникновение европейской войны.

Да и министр иностранных дел, сэр Грей всю жизнь считался убежденным пацифистом.

Посла Германии Пурталеса Сазонов принял не в самом лучшем состоянии духа.

Он уже начинал понимать, что все разговоры бессмысленны, и запущенный маховик войны уже не удастся остановить.

Тем не менее, он почти полтора часа уговаривал Пурталеса побудить Берлин к миротворчеству.

В отличие от англичанина, Пурталес не отделялся общими рассуждениями о вреде войны и пользе мира, а пообещал принять все зависящие от него меры.

Однако у Сазонова уже не было никакой надежды, на то, что Берлин прислушается к доводам своего посла.

Он с тревогой посматривал на часы. В восемнадцать часов истекал срок ультиматума, а значит, и мира.

Днем состоялось заседание Совета министров.

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов сообщил о том, что державы Тройственного соглашения не намерены способствовать мирному исходу австро-сербского конфликта.

Затем он предложил путем проведения частной мобилизации поставить на место австрийцев.

Подводя итоги заседания, Николай II присоединился к предложению Сазонова.

– Теперь, – сказал он, – уже требуется более или менее серьезная угроза. Австрия дошла до того, что не отвечает даже на дипломатические наши миролюбивые предложения. Поэтому я считаю целесообразным применить подготовленную именно на этот случай частичную мобилизацию, которая для Германии будет служить доказательством отсутствия с нашей стороны неприязненных действий по отношению к ней...

В конечном итоге было решено «пока не объявлять мобилизацию, но принять все подготовительные меры для скорейшего ее осуществления в случае необходимости».

В этих целях с полуночи 26 июля вводилось Положение о подготовительном к войне периоде.

Оно предполагало принятие всеми ведомствами необходимых мер для подготовки и обеспечения мобилизации армии и флота, крепостей и сосредоточения армии к границам вероятных противников.

В 8 часов вечера по возвращении из Красного Села Н.Н. Янушкевич созвал заседание комитета Генерального штаба.

– Государь, – сказал он, – признал необходимым поддержать Сербию, даже если бы для этого пришлось бы объявить мобилизацию и начать военные действия. Но все эти меры могут быть приняты только после того, как австрийские войска перейдут сербскую границу...

Янушкевич сообщил также, что Николай II принял решение в случае необходимости прибегнуть к частной мобилизации Киевского, Одесского, Казанского и Московского округов, а если Германия примкнет к Австро-Венгрии, то мобилизовать и остальные округа.

Приказ царя гласил: возратить все войска в места постоянной дислокации, потребовать от гражданских ведомств немедленно начать осуществлять меры, предусмотренные Положением о подготовительном к войне периоде, экстренно закончить вооружение батарей и установить минные заграждения в Кронштадте, Ревеле и Свеаборге, объявить Кронштадт на осадном положении, а все остальные крепости вдоль западной границы перевести на военное положение, немедленно вернуть всех офицеров из отпусков, офицеров, причисленных к Генеральному штабу, перевести в его состав и откомандировать всех слушателей офицерских школ в свои части.

Эта директива была принята к немедленному исполнению, а всем командующим военными округами в Европейской России отправлена телеграмма следующего содержания:

«Высочайше повелено 26 сего июля считать началом подготовительного к войне периода на всей территории Европейской России.

Вам надлежит принять все меры по первому и второму перечням положения об этом периоде и выполняемые распоряжением окружных штабов, довольствующих управлений комендантов крепостей и войсковых частей и управлений».

Чуть раньше Янушкевич дал директиву командующему наиболее угрожаемого в случае войны с Германией Варшавского военного округа о приведении всех крепостей округа в военное положение и начале работ, предусмотренных Положением о подготовительном к войне периоде.

С 27 июля он объявлялся в Кавказском, Туркестанском, Иркутском и Омском военных округах.

Янушкевич информировал собравшихся о принятых решениях и дал указание немедленно приступить к пополнению войск материальными запасами.

Было, наконец, принято Положение о полевом управлении войск в военное время, которым регламентировались назначения в штабы фронтов и армий, а также регулировалась боевая деятельность войск.

Срочное принятие этого документа, работа над которым велась много лет, свидетельствовало о решимости Генерального штаба не быть застигнутым врасплох и во всеоружии вступить в борьбу с Германией.

Слишком памятливы были для генералитета уроки русско-японской войны, когда под прикрытием дипломатических демаршей Япония нанесла вероломный удар по русскому флоту в Порт-Артуре, и допустить повторения этого никто не хотел.

Вечером был прерван Царскосельский лагерный сбор, на церемонии его закрытия Николай II объявил о досрочном производстве юнкеров в офицеры и о выпуске слушателей военных академий.

Таким образом, основные мероприятия по повышению боевой готовности русской армии стали претворяться в жизнь.

Ровно в назначенное время сербский президент Пашич вручил ответную ноту на австрийский ультиматум венскому послу в Белграде барону Гизлю.

Сербия приняла все требования австрийского ультиматума за исключением одного, которое касалось участия австро-венгерских чиновников в расследовании вопроса о соучастии сербских правительственных кругов в сараевском преступлении.

Но даже здесь была сделана оговорка, поскольку этот параграф имел силу только в случае несоответствия этого расследования нормам международного права.

Вместе с тем Пашич выразил готовность отдать дело Сербии на решение Гаагского международного суда в случае, если бы венское правительство предъявило еще какие-нибудь дополнительные требования.

Горькая чаша была испита до дна, и казалось, что Сербии дальше идти было некуда по пути подчинения тираническим требованиям более сильного соседа.

Документ был составлен в крайне примирительных и дипломатичных тонах.

«Королевское правительство, – читал барон, – должно признать, что оно не отдает себе ясного отчета в смысле и значении просьбы императорского и королевского правительства о том, чтобы Сербия обязалась допустить на своей территории сотрудничество органов императорского и королевского правительства, но заявляет, что оно допустит сотрудничество, соответствующее нормам международного права и уголовного судопроизводства, равно как добрососедским отношениям между обоими государствами...»

Не дочитав ноту до конца, Гизль заявил о разрыве дипломатических отношений и в соответствии с полученными инструкциями специальным поездом выехал из Белграда.

Три часа спустя был отдан приказ о частичной мобилизации Австрии против Сербии.

Когда кайзер прочитал ноту Белграда, он написал на ее полях ней: «Блестящие достижения для столь короткого промежутка времени».

В отличие от своего великого соотечественника фон Бисмарка, России он не боялся и очень любил повторять фразу о том, что «славяне рождены для того, чтобы повиноваться».

Да и чего бояться, если посол и военный атташе докладывали из Петербурга, что царь боится войны, что «в русской армии настроение больного кота» и она «планирует не решительное наступление, а постепенное отступление, как в 1812 году».

Более того, немецкая пресса на все лады расписывала «полное разложение» России.

– По существу, – заверял кайзера, а вместе с ним и Вену министр Ягов, – Россия теперь небоеспособна!

Вопрос о войне был предreshен, но объявлять о ней было еще рано.

Именно поэтому канцлер Бетман-Гольвег в своих телеграммах в Вену просил австрийское правительство «не отказываться безоговорочно от любых мирных предложений, а делать вид, что собираются их рассмотреть».

«Иначе, – предупреждал он, – будет трудно возложить на Россию вину за пожар в Европе».

Понимая, что Рубикон перейден, кайзер в очередной беседе с австрийским послом в Германии графом Сегени посоветовал его правительству «самым настоятельным образом немедленно выступить и поставить мир перед свершившимся фактом».

– Всякая потерянная минута, – повторил он слова Мольтке, – усиливает опасность положения, давая преимущества России...

Более того, он весьма прозрачно намекнул на то, что Австрия могла бы, пока требования ее не будут выполнены, в виде гарантии оккупировать часть Сербии.

По сути дела, это было уже объявлением войны, поскольку Россия этого никогда бы не позволила бы, и кайзер прекрасно знал это.

И теперь ни сдержанность Англии, ни сдержанность России уже ничего не определяли. Все решалось в Берлине.

«Конечно, – признавал позже германский посол Лихневский впоследствии, – достаточно было одного намека из Берлина, чтобы побудить графа Бертольда, успокоившись на сербском ответе, удовлетвориться дипломатическим успехом.

Этого намека, однако, не последовало. Напротив, настаивали на войне».

Оно и понятно!

Кайзер закусил удила и прекрасно понимал, что завтра может быть уже поздно.

А теперь давайте поговорим об ультиматуме более подробно, поскольку он заслуживает того.

Как уже было сказано выше, Сербия приняла все его пункты за исключением одного, который касался участия австро-венгерских чиновников в расследовании вопроса о соучастии сербских правительственных кругов в сараевском преступлении.

Именно это, по мнению Белграда, было бы расценено всем миром как отказ Сербии от собственного суверенитета.

Что, говоря откровенно, выглядит довольно странно.

Сербия соглашалась публично осудить всякую агитацию против Австро-Венгрии, ужесточить контроль над сербскими СМИ, закрыть враждебные Австрии общественные организации в Сербии, уволить сербских офицеров и чиновников, замешанных в антиавстрийской деятельности (их список был представлен) и отказывалась допустить на свою территорию австрийскую следственную группу для расследования сараевских событий.

Вот только так ли это на самом деле?

Ещё раз перечитайте условия ультиматума, принятые сербами, и условие, столь яростно ими отвергнутое.

Что перевешивает?

Да, конечно же, предложенные Австрией условия внутренней и кадровой политики.

Тем не менее, эти на самом деле страшные условия для любой суверенной страны – увольнение офицеров и чиновников, закрытие газет, приказы по армии, указания королю Сербии, что и как говорить, сербы приняли и почему-то не возмутились.

А вот пустить к себе австрийскую полицию для выяснения того, куда ведут нити заговора против Фердинанда, сербы не пожелали!

И это после того, как в Сербии сразу же после убийства эрцгерцога уже побывал австрийский юридический чин

В самом деле, странно!

На любые унижения сербы были согласны, но только не на выяснение того, кто готовил убийство эрцгерцога.

И далеко не случайно, Николай II после прочтения ультиматума нашел унижительными все его пункты.

А тут какое-то следствие...

Впрочем, объяснение тому имеется.

«Но этот пункт и невозможно было принять, – пишет по этому поводу В.Шамбаров в своей книге «За царя, отечество и веру», – Формально – потому что он нарушал суверенитет Сербии.

А фактически из-за того, что за терактом и в самом деле стояли высокопоставленные авантюристы из сербской армии.

Пашич это знал.

И знал, что австрийцы это знают – в их руках были все исполнители.

Поэтому и принятие указанного пункта Сербию от удара не избавляло – она сразу получила бы новый ультиматум, по результатам следствия.

И давала согласие на собственную оккупацию в порядке наказания со стороны Австрии. Однако и тут Пашич выкрутился – по совету Николая II он предлагал передать расследование международному трибуналу в Гааге, и Сербия обещала подчиниться его решению.

Ведь трибунал мог свести вопрос к персональной ответственности заговорщиков, а покровители Сербии успели бы организовать ее уничтожения как государства».

Вполне возможно, что так оно и было, и полковнику Апису и его высоким покровителям было, что скрывать.

«Сербия, – пишет А.Буровский в книге «Отречемся от старого мира», – в начале XX века была основанным террористом Европы.

Спецслужбы Сербии возникали на основе бывших заговорщицких организаций: были у них и опыт, и необходимые навыки.

Они пользовались полнейшей поддержкой и царя Петра из династии Обреновичей, и всего правительства.

По всем Балканам создавались культурные, научные, спортивные центры для «крышевания» экстремистских организаций вроде «Черной руки», «Белой руки», «Молодой Боснии», «Старой Боснии» и сотни других.

Еще в 1910 году студент Богдан Жераич выстрелил в австрийского губернатора Боснии Иосипа Верешанина.

При этом он ухитрился не попасть в упитанного генерала с трех метров и покончил с собой.

На болгарского царя Фердинанда покушались полдюжины раз, все неудачно.

А цель была понятна: дестабилизация обстановки. Если начнется война, за Сербию тут же вступится Франция, которая вложила в ее экономику не один миллион франков. А уж русские «братушки», конечно, помогут не за страх, а за совесть!»

Надо заметить, что в России прекрасно понимали эти устремления, и далеко не случайно тот же министр иностранных дел России С.Д.Сазонов передал в начале очередной Балканской войны в Белград весьма красноречивую ноту.

«Категорически предупреждаем Сербию, – говорилось в ней, чтобы она отнюдь не рассчитывала увлечь нас за собой».

Куда уж яснее...

Говоря откровенно, организация покушения не эрцгерцога ни для кого не была тайной с самого начала, хотя сербские власти и попытались представить дело так, будто бы убийцы Фердинанда – частные лица, ни имевшие к их правительству никакого отношения.

Однако факты говорили о другом.

Ампулы с цианистым калием, револьверы из государственного арсенала, привычка называть старших по группе по воинскому званию, – все это неопровержимо даказывало связь террористов с «Черной рукой».

Да и вели они себя, надо заметить, далеко не лучшим образом. И, если следовать уголовному жаргону, раскололись сразу.

При этом на них не было оказано ни малейшего давления, хотя некоторые сербские газеты и кричали о пытках.

Но одно дело – признание обвиняемых, и совсем другое – неопровержимые доказательства их связи с «Черной рукой».

Более того, судебные процессы, проведенные самими сербскими властями над участниками покушения (Салоникский процесс 1917 года), а также принятие правительством Сербии большинства условий ультиматума, за исключением одного пункта, подтверждают причастность к террористическому акту легальных и полулегальных сербских организаций и терпимое, по меньшей мере, отношение к их деятельности официального Белграда.

Однако установить прямое участие сербских властей в подготовке и осуществлении теракта австро-венгерскому руководству не удалось, несмотря на все его усилия.

Специальный представитель Австро-Венгрии, посланный в Сербию собрать доказательства, бывший прокурор, советник Фридрих Вичер, писал в своей телеграмме в Вену: «Доказать и даже подозревать сербское правительство в том, что оно было осведомлено о покушении, либо участвовало в его осуществлении, подготовке и в предоставлении оружия, невозможно».

Однако далее со ссылкой на показания обвиняемых в телеграмме указывалось, что решение о покушении было принято в Белграде, в подготовке его участвовали государственные чиновники, а бомбы были получены из арсенала сербской армии.

Но австрийцу не удалось точно установить, было ли получено оружие непосредственно перед покушением.

Потому Вена и настаивала на проведении собственного расследования на территории Сербии.

Почему Белград не пошел на это?

Как было сказано выше, об этом мы можем с той или иной степенью вероятности только догадываться.

Нельзя не сказать и вот еще о чем.

Из сочинений советских историков мы знаем, что Сербия всегда была жертвой, а Австро-Венгрия палачом.

Вот только так ли все это было на самом деле?

Давайте посмотрим, какие взгляды на свое будущее имела эта самая «жертва», чье поведение во многом определялось уверенностью в русском прикрытии.

А будущее у Сербии, по верованиям многих ее правителей, было только одно – стать Великой Сербией! Иными словами, объединить в своем государстве земли всех южных славян. Под своим, естественно, началом.

Само собой понятно, советские историки обходили и эту вековую мечту сербов о Великой Сербии.

Идея создания Великой Сербии зародилась в сумраке османского владычества, когда в 1683 году коалиция христианских государств во главе с Австрией (турки дошли до самой Вены) начала против Турции войну накануне великого переселения сербов под руководством Арсения III Чарноевича.

Граф Джордже Бранкович первым осмыслил идею Великой Сербии и изложил ее австрийскому императору.

Это возрожденное, освобожденное и объединенное сербское государство (имелось в виду Сербское царство) охватывало области на Балканском полуострове и в Паннонской низменности.

Идея австрийскому двору понравилась.

Да и как не понравиться, если созданная из освобожденных и объединенных сербских земель Великая Сербия должна была стать своеобразным щитом и предотвратить более глубокое турецкое вторжение в Центральную Европу.

На радостях император Леопольд I даже издал прокламацию, по которой граф Бранкович должен был именоваться деспотом сербских областей Срема, Баната и Герцеговины.

Однако длилась эта самая радость не долго: только до тех пор, пока турки угрожали Австрии.

Когда же сербы помогли отеснить турок на юг Балкан, то, опасаясь возрождения Сербского царства (Великой Сербии), и решив, что деспот Бранкович может представлять опасность будущим завоевательным планам, австрийский император арестовал его в 1688 году и целых двадцать два года держал в тюрьме, где тот и умер.

Так пострадал и погиб первый идеолог Великой Сербии, а сама идея Великой Сербии окрасилась в цвета мученичества.

120 лет спустя идея создания Великой Сербии была представлена Петербургу.

Это была программа восстания Карагеоргия, являвшая собой вдохновляющий источник освободительного движения сербов. Но идея не получила поддержки.

Более того, против «великосербской опасности» в начале XIX века Петербург объединился с... Веней и Берлином.

«Еще в 1876 году, – отмечал в своей книге «Честные маклеры» бывший посол ФРГ в СФРЮ Ральф Хартман, – когда сербский князь Милан поддержал восстание христианского населения Боснии и Герцеговины против турецкого владычества и объявил Стамбулу войну, министр иностранных дел Российской империи князь Горчаков, германский канцлер Бисмарк и австро-венгерский премьер Андраши под давлением Габсбургов подписали так называемый Берлинский меморандум.

Согласно его положениям, стороны договаривались, что, в случае победы сербов, великие державы не потерпят возникновения большого славянского государства».

Почему Россия подписала меморандум, направленный против той самой Сербии, которой Николай II через тридцать с лишним лет пообещает любую помощь и таким образом развяжет ей руки?

Да только по той причине, что России была нужна не Великая Сербия, которая стала бы проводить собственную и независимую от Петербурга политику, а Сербия слабая, нуждающаяся в покровительстве могучей империи и являвшаяся постоянным источником напряжения почти в самом центре Австро-Венгрии.

Однако идеи, как и рукописи, не горят, и идея Великой Сербии продолжала будоражить умы. И не случайно премьер-министр Сербии Никола Пашич был идеологом Великой Сербии.

Но в то же время в Белграде прекрасно понимали: в одиночку победить империю и воссоединиться с боснийскими и другими сербами Австро-Венгрии им не суждено.

А коль так, то именно противостояние Тройственного союза и Антанты давало Сербии этот шанс, и было бы непростительным грехом не воспользоваться им

Касаясь положения на Балканах после Бухарестского мира 1913 года, Ю.А.Писарев в своей книге «Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны» указывал, что «военные круги Сербии призывали к походу на Австро-Венгрию».

Более того, сразу после Второй Балканской войны русский посланник в Цетинье А.А. Гире в записке, озаглавленной «Австро-Венгрия, Балканы и Турция. Задачи войны и мира» предлагал отказаться от односторонней поддержки авантюрного курса правителей Сербии и их планов присоединения к ней населенных югославянами территорий Монархии.

Русский дипломат еще в 1913 году пророчески предсказал, что «Великая Сербия» рано или поздно отойдет от России. Как отошла от нее после освобождения от турецкого ига Болгария, тоже мечтавшая стать великой.

Именно поэтому Гире пришел к выводу о необходимости изменения российской политики на Балканах: от конфронтации с Австро-Венгрией к сотрудничеству с ней в «духе Мюрцштега».

Напомним, что в 1903 году Илинденское восстание в Македонии привело к новому обострению ситуации на Балканах, и именно тогда Петербург и Вена скоординировали свои действия для успокоения региона.

В результате 3 октября в австрийском городке Мюрцштеге было подписано русско-австрийское соглашение о реформах в Македонии.

Султан вынужден был принять положения соглашения.

Мюрцштегское соглашение позволило во время русско-японской войны закрепить отношения с Австро-Венгрией секретной декларацией о взаимном нейтралитете.

Она была подписана в декабре 1904 года в Петербурге. Договор гарантировал нейтралитет в случае «неспровоцированного» конфликта с третьей державой вне Балканского полуострова.

Предусматривалось, что договор будет действовать до тех пор, пока Вена и Санкт-Петербург будут вести согласованную политику в делах Османской империи.

Как и многие европейские политики, Гире считал сохранение Австро-Венгрии в интересах России. А потому и призывал к согласованию интересов обеих держав вплоть до раздела сфер влияния на Балканах.

Его не слушали.

А между тем, Вена и Берлин только в 1913 году трижды предлагали Петербургу возродить союз трех императоров, преследуя цель оторвать Россию от Франции и Англии.

Однако царь на это не пошел.

Противоположную Гире позицию занимал российский посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг, считавший, что именно Сербия является надежной опорой России на полуострове.

Такого же мнения придерживался влиятельный дипломат А.П. Извольский, посол в Париже, бывший министр иностранных дел.

Все это так.

Но одно дело предположения, и совсем другое – жизнь.

Да и как, интересно было бы узнать, Россия ужилась бы на Балканах с Австро-Венгрией со своими совершенно разными интересами?

Но это уже вопрос из сослагательного времени, и ответить на него не сможет никто.

Значит, надо было любым способом втянуть в войну Россию, ибо только военное поражение Монархии давало шансы на присоединение к Сербии населенных сербами, хорватами, словенцами земель Венгрии и Австрии.

Никакая другая страна на это просто бы не пошла, ибо гробить свою армию ради чужих интересов желающих не было.

Понимали ли в Белграде то, что конфликт с Австро-Венгрией может вылиться в мировую войну?

Любому политику было ясно, что предъявленный Веной ультиматум являет собой хорошо продуманную провокацию и неисполнение любого его пункта повлечет за собой военные действия.

Наверное, все-таки понимали. Но не остановились. Потому что терять-то по большому счету было нечего.

Вена никогда бы не пустила на самотек развитие Сербии, и сил у нее, во всяком случае, в то время было больше.

«Два принципа были в резком конфликте друг с другом, – объяснял желание Австро-Венгрии покончить с Сербией начальник Генерального штаба австро-венгерской армии и один из самых ярых приверженцев войны К. фон Гетцендорф, – либо сохранение Австро-Венгрии как конгломерата национальностей, который должен выступать в виде единого целого перед внешним миром и видеть свое общее благо под властью одного государя, или же рост отдельных независимых национальных государств, притязающих на свои этнические территории Австро-Венгрии и таким путем вызывающих разрушение монархии.

Конфликт между двумя этими принципами, нараставший давно, достиг высшей стадии вследствие поведения Сербии. Его разрешения нельзя было откладывать».

А раз так, то рано или поздно Сербия могла бы потерять независимость и стать частью Империи.

Что было бы, если бы Сербия приняла все условия?

А вот тогда бы Австро-Венгрия рано или поздно обязательно нашла бы какой-нибудь другой повод к войне. Потому что дело было не в ультиматуме, а в стране, которая постоянно угрожала целостности Монархии. И в стоявшей за ней Германией, желавшей воевать именно летом 1914 года, против слабой России и не желавшей войны Франции.

И в какой уже раз восторжествовал лозунг Наполеона: главное – ввязаться в бой, а там будь, что будет!

Если же подвести итог нашему рассказу о терроре, как политическом методе, и идее создания Великой Сербии, то, надо полагать, тогдашним правителям Сербии и полковнику Апису было, что скрывать.

В том числе и от России, на которую они делали свою ставку.

Именно поэтому они приняли все унижительные условия австрийского ультиматума, кроме того, которое требовало проведения следствия на территории Сербии австрийскими чиновниками.

Конечно, это только предположение, но ничего странного в нем нет.

Что было на самом деле?

На сегодняшний день обширнейшей литературе о покушении в Сараеве существует три версии заговора.

Согласно первой, сын убитого эрцгерцога Максимилиан Гогенберг в интервью газете «Пари суар диманш» 16 июня 1936 говорил о том, что его отца ликвидировала германская секретная служба.

Все дело было в том, что наследник венского престола мешал осуществлению великодержавных планов кайзера Вильгельма.

Эта версия давно опровергнута в литературе, хотя и имеет под собой известное основание: Франц Фердинанд был убит при полном попустительстве охраны.

Согласно второй, убийство эрцгерцога было подготовлено сербской тайной офицерской организации «Объединение или смерть», известной также под названием «Черная рука».

При этом сербское правительство и русский Генеральный штаб будто бы покровительствовали этому заговору.

Одним из основных источников в исследовании сараевского убийства стали документы судебного процесса по делу «Черной руки», состоявшегося в Салониках в марте – июне 1917 года.

Организуя суд, сербское правительство преследовало три цели: разгромить оппозицию в лице тайного, но могущественного офицерского союза, оздоровить обстановку в армии и возложить ответственность за убийство в Сараево на «Черную руку».

Все это делалось для того, чтобы открыть путь к мирным переговорам с Австро-Венгрией, которые намечались в 1917 году.

Судебный процесс велся с грубыми нарушениями законности, при закрытых дверях, подсудимые не имели защитников, военным трибуналом широко использовались лжесвидетели.

После суда правительство опубликовало сборник «Тайная заговорщическая организация», включив в него только материалы обвинения, что придало изданию односторонний характер.

Главный документ судебного разбирательства – рапорт руководителя «Черной руки» полковника Димитриеви́ча Верховному командующему сербской армией принцу-регенту Александру – по распоряжению последнего был изъят из этого сборника и стал известен только в тридцатые годы.

Полковник опротестовал все необоснованные обвинения военного трибунала в государственной измене и в непосредственной организации сараевского убийства.

Он категорически отверг версию о том, что в убийстве эрцгерцога был замешан военный агент полковник В.А. Артамонов.

Сам Артамонов доказал свое полное алиби. Во время покушения он находился на лечении в Швейцарии.

Важную роль в опровержении материалов судебного процесса сыграли свидетельства таких очевидцев, как революционер Мустафы Голубича и один из функционеров «Черной руки» Чедомир Попович.

Последний договорился до того, что на полном серьезе утверждал, Димитриеви́ч, узнав о заговоре, хотел предотвратить его.

По его словам, Апис опасался, что убийство Франца Фердинанда может быть использовано правящими кругами дунайской империи как предлог к нападению на Сербию.

Окончательную точку в этой не такой уж и запутанной истории поставил судебный процесс по делу «Черной руки», состоявшийся в Югославии в 1953 году.

Он отменил приговор салони́кского военного трибунала (Димитриеви́ч и многие его соратники были расстреляны) и снял все обвинения с названной организации.

Наконец, третья концепция исходит из того, что сараевское покушение было организовано членами национальной революционной организации «Молодая Босния» как ответная акция террористов на насильственное присоединение в 1908 году к Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины.

В настоящее время именно этой версии придерживаются многие исследователи.

Что же касается террористов, то их судили на так называемом Сараевском процессе.

Однако сразу же после распада Австро-Венгрии в 1918 году все документы этого процесса каким-то таинственным образом исчезли.

Правда, оставались еще государственные архивы Сербии, которые были захвачены Австро-Венгрией и которые неопровержимо доказывали связь группы Принципа с «Черной рукой».

Но и они пропали после того, как в 1919 году Австрия вернула их сербам.

Катер, перевозивший их по Дунаю, бесследно исчез, хотя в тот день не было ни штормов, ни артобстрелов.

Концы этого скользкого дела были в буквальном смысле брошены в воду.

Всего по сараевскому процессу были осуждены 16 человек, из них троих казнили.

Принцип, Чабринович и Грабеж получили по 20 лет, поскольку к моменту преступления им еще не было двадцати, и по австрийскому закону смертная казнь к ним не могла быть применена.

Тем не менее, никто из них не дожил до освобождения.

При загадочных обстоятельствах окончил свои дни лидер «Молодой Боснии» Владимир Гачинович.

В августе 1917 года он внезапно заболел.

Швейцарские врачи дважды делали ему операцию, подозревая то одно, то другое, и каждый раз ничего не обнаруживали.

11 августа Гачинович умер.

Некоторые считают, что он был отравлен своими бывшими соратниками, которые хотели отомстить ему за репрессии, обрушенные на них австро-венгерскими властями.

Остается невыясненной до конца и версия о том, что Гачинович в последний момент будто бы послал в Сараево письмо заговорщикам с предложением отказаться от покушения на Франца Фердинанда, которое не было принято фанатиком Принципом.

Судьба самого Принципа тоже трагична.

Он был брошен в тюрьму в Терезиенштадте, где и умер в страшных мучениях 28 апреля 1918 года.

Труп Принципа был тайно захоронен в тюремном дворе, и только в 1920 году его останки перезахоронены в братской могиле вместе с другими умершими участниками заговора на сараевском кладбище.

На том самом кладбище, где он так любил собираться с товарищами и черпал вдохновение.

Но самое интересное заключается в том, что, как это не покажется невероятным, планы психически неполноценных заговорщиков (перед покушением Принцип несколько ночей провел на могиле террориста Жераича, где общался с духом «героя»), не брезговавших ничем офицеров спецслужб и откровенных бандитов сбылись.

От Австро-Венгрии остались одни воспоминания.

Хорватия, Босния, Словения, Герцеговина, Черногория и Македония были объединены в Королевстве СХС (Сербов-хорватов-словенцев).

В 1929 году это государство стало называться Югославией.

Великая Сербия увеличилась по территории с 28 до почти 300 тысяч квадратных километров.

Не были забыты и «герои» 1914 года.

В 1920 году останки убийц эрцгерцога и его супруги перезахоронили в Сараево и возвели в ранг «национальных героев».

В 1953 году, уже при И.Тито, сербы признали и роль своих спецслужб в убийстве наследника австрийского престола.

Более того, деятельность Аписа и его подельников была официально признана «полезной для освобождения балканских народов».

А вот от наследника России – Советского Союза – Великая Сербия в лице Югославии все же откололась. Чем вызвала страшный гнев лучшего друга всех покоренных им в Восточной Европе народов.

Глава IV. Угол отражения...

Несмотря на все усилия российской дипломатии, первые шаги русского правительства на пути мирного улаживания австро-сербского столкновения не дали желанных результатов.

Англия уклонилась от заявления, о котором ее просили из Москвы, а Берлин твердил о необходимости локализации австро-сербского столкновения и намерении Германии оказать всякую поддержку своей союзнице.

В Париже быстро поняли общеевропейский характер начинавшегося кризиса и не давали себя сбить с толку его балканским происхождением.

Что же касается России, то она продолжала свои попытки парализовать злую волю Австро-Венгрии и добиться пересмотра недопустимых требований венского кабинета путем посредничества держав даже после последовавшего 25 июля разрыва отношений между Австро-Венгрией и Сербией.

Полагая, что Италия не одобряла образа действия Австро-Венгрии, Сазонов поручил послу в Риме А.Н. Крупенскому просить маркиза Сан-Джулиано откровенно высказать в Вене свое несочувствие австрийским решениям и разъяснить Берхтольду невозможность локализации конфликта, а также и неизбежность русской поддержки Сербии.

Как и предполагал русский министр, Италия выразила отрицательное отношение к положению, занятому венским кабинетом в конфликте с Сербией.

Как только скрывавшееся от Италии намерение венского кабинета поставить Сербию в безвыходное положение стало известно в Риме, оно возбудило там неудовольствие и тревогу.

Еще за несколько дней до обращения Сазонова к маркизу Джулиано тот сообщил германскому послу, что ему кажется невозможным любое представление сербскому правительству со стороны Австро-Венгрии по поводу убийства наследного эрцгерцога ввиду того, что оно было совершено австрийским подданным.

Лица, близко стоявшие к министру, заявляли, что Австро-Венгрия, предъявив неумеренные требования, поставила себя в невыгодное положение и не могла бы рассчитывать на поддержку Италии.

Сан-Джулиано избегал прямого обмена мыслями с австрийским послом в Риме, но не скрывал своих взглядов от германского посла фон Флото.

Он откровенно сказал тому, что Италия не примет участия в политике подавления национальностей. О чем Флото тут же сообщил в Берлин.

Доклад фон Флото вызвал известное беспокойство в германском министерстве иностранных дел, но никоим образом не повлиял на позицию Германии.

Одновременно с обращением в Рим Сазонов просил Берхтольда разрешить австро-венгерскому послу в Петербурге рассмотреть с ним в частном порядке текст ультиматума и по взаимному соглашению изменить в нем те места, которые казались Сазонову особенно неприемлемыми.

Ответ от Берхтольда пришел через сорок восемь часов. В нем он сообщал, что не может входить в обсуждение условий австрийского ультиматума.

Более того, он поручил графу Сапари передать Сазонову о невозможности принятия подобного рода предложений.

Из Берлина вести были не лучше.

Фон Ягов заявил, что повлиять на Вену «в примирительном смысле» он не может.

Что же касается продолжавшей темнеть среди белого дня Англии, то Лихновский уже 27 июля почувствовал, что Лондон все же вступит в войну.

О чем и сообщил в Берлин.

Конечно, с Берлином Грею следовало говорить более твёрдым и ясным языком, но было то, что было.

Грей предложил организовать посредничество Англии, Франции, Германии и Италии для обсуждения способов разрешения кризиса.

Мотивы, которыми при этом руководствовалось Министерство иностранных дел, раскрывает в своих мемуарах сам Грей.

Он считал, что обсуждение создавшейся обстановки за зелёным столом даёт некоторый шанс спасти мир. Но если бы это и не удалось, то и тогда конференция не принесла бы вреда Антанте.

«Я полагал, – писал он, – что германские приготовления к войне были продвинуты много дальше, нежели приготовления России и Франции.

Конференция дала бы возможность этим двум державам подготовиться и изменить ситуацию к невыгоде для Германии, которая сейчас имеет явное преимущество».

Заявление Грея преследовало две цели: создать под председательством Грея в Лондоне комиссию для изыскания способа разрешения спора и приостановку Австро-Венгрией и Сербией военных приготовлений до окончания совещания посредников.

Одновременно с Греем французский посол в Берлине Жюль Камбон предложил «воздержаться от всякого действия, которое могло бы обострить настоящее положение».

Однако как предложение Грея, так и формула Камбона были отвергнуты Бетманом-Гольвегом и фон Яговым.

Отрицательный ответ Германии вызвал отсрочку роспуска британского флота, собранного для маневров в Немецком море.

Что не помешало Грею заявить австро-венгерскому послу о том, что Англия не собирается созывать резервистов, а мера по отношению к флоту не включает никакой угрозы.

Но при этом добавил, что ввиду «возможности европейской войны английское правительство не сочло возможным разбрасывать свои силы».

Если, по словам английского министра иностранных дел, не следовало видеть угрозы в военной мере, принятой Англией, то в словах его к графу Менсдорфу трудно было не усмотреть серьезного предостережения.

В Берлине и Вене к ним отнеслись как к попытке запугивания.

Но в то же самое время там с каким-то необъяснимым упрямством продолжали верить в то, что Англия не уступит в войну.

Как известно из физики, угол отражения равен углу падения.

В истории этот закон выразил знаменитый английский историк Д.Тойнби, создавший теорию «Вызов – Ответ».

Согласно этому закону любое общество по-настоящему начинает действовать только под влиянием внешнего раздражителя.

Так, русские удельные князья не только не собирались объединяться, но и делали все возможно, чтобы этого не произошло.

Однако под влиянием окруживших их врагов из Дикой степи – половцев, хазаров и татар (Вызова) – они объединились вокруг самого сильного на тот момент Московского князя (Ответ).

В нашем же случае это означает только то, что под нажимом рвавшейся воевать Австро-Венгрии России надлежало приступить к общей мобилизации.

Однако этого не произошло.

26 июля по инициативе вернувшегося из командировки обер-квартирмейстера генерала Ю.Н. Данилова в Генеральном штабе состоялось совещание.

На нем присутствовали Н.Н. Янушкевич, начальник мобилизационного отдела С.К. Добrorольский и начальник военных сообщений С.А. Ронжин.

Вопрос был один: характер предстоящей мобилизации.

– Если, – заявил Данилов, – производство частной мобилизации со многими изменениями и удастся провести на фоне тех расчетов, которые разработаны для общей мобилизации, то лишь ценою большой ломки всех расчетов, что не может не нарушить точности ее выполнения. Главное же заключается в том, что производство частной мобилизации, спутав все расчеты, технически ставит в полную невозможность выполнить вслед за нею общую мобилизацию, главным образом по причине раздвоения работы железных дорог. Что бы мы с вами здесь не говорили, но Австро-Венгрия представляет в настоящее время серьезную силу, для победы над которой все равно придется мобилизовать всю нашу армию, а не только часть ее. Избытка в стратегии не существует...

Добrorольский и Ронжин поддержали Данилова.

В итоге решено было подготовить два проекта указа о частной и общей мобилизации и подготовить специальный доклад царю, разъясняющий опасность первой.

К вечеру С.К. Добrorольский подготовил для начальника Генерального штаба проект докладной записки военного министра царю, в котором давались расчеты по общей мобилизации 3,5 млн. человек.

«Генерал Янушкевич, – писал в «Истории русской армии» Кресновский, – представил Государю на выбор и на подпись два указа: об общей мобилизации и о частичной мобилизации четырех округов, войска которых предназначались к действию против Австро-Венгрии: Киевского, Одесского, Московского и Казанского.

Этот последний вариант был элементарной мерой предосторожности против уже вооружившегося соседа.

Чтобы понять весь драматизм ставшей перед Государем дилеммы – сразу общая мобилизация или сперва частичная, надо иметь в виду, что, произведя частичную мобилизацию, Россия уже не могла произвести общей мобилизации.

Четыре юго-восточных округа мобилизовывались ценою бесповоротного расстройтва трех наиболее важных стратегических северо-западных округов.

Мобилизационное расписание не предусматривало частичной мобилизации отдельных округов. Частичные мобилизации должны были быть разработанными лишь по 20-му мобилизационному расписанию, еще не утвержденному.

Имелись планы мобилизации отдельных корпусов для усиления сибирских округов в случае войны с Японией и Кавказской армии в случае войны с Турцией.

Мобилизовав только против Австро-Венгрии, мы рисковали бы впоследствии быть беззащитными против Германии.

Не следует забывать, что Казанский округ комплектовал Варшавский, а отчасти и Виленский. Гвардия почти целиком пополнялась Киевским округом.

В случае частичной мобилизации все эти запасные получали другое назначение.

Отметим еще одну катастрофическую особенность частичной мобилизации: она оставляла неприкрытой южную часть Варшавского округа, на которую как раз и обрушивался главный удар австро-венгров».

В тот же день в России были получены сведения о том, что в Австро-Венгрии объявлена частная мобилизация.

Из Берлина сообщали о манифестациях в поддержку Австро-Венгрии.

Местная пресса начала активную подготовку общественного мнения в пользу поддержки действий против России. Обстановка накалялась.

Всем было ясно, что кайзер и его окружение окончательно взяли курс на развязывание войны. Наступали решающие дни Сараевского кризиса.

В Генеральный штаб постоянно приходили сведения об австрийских мобилизационных мероприятиях в Галиции у российской границы и о возвращении проживавших в России германских и австрийских подданных – офицеров запаса – на родину.

Во второй половине дня 26 июля штаб получил известие о том, что австрийские войска, расположенные в районе города Костолац, подвергли артобстрелу сербский берег Дуная, захватили три сербских парохода и начали сосредоточение на границе с Россией.

Дипломатические переговоры еще велись, но с момента нападения Австро-Венгрии на Сербию дипломатам и политикам во всех европейских столицах было уже ясно: время переговоров кончилось и очень скоро конфликтующие страны будут говорить на совершенно другом языке – языке пушек.

Днем царь вместе с дядей Николашей появился в Думе, дабы внушить стране мысль о своем единении с народом.

Как и всегда в таких случаях, было много патетических речей и ликований.

Встречу испортили фракция РСДРП(б), которая в полном составе покинула Думу во время голосования за военные кредиты правительству.

«Эта война, – заявили они в своей декларации, – окончательно раскроет глаза народным массам Европы на действительные источники насилий и угнетения, от которых они страдают, и теперешня вспышка варварства будет в то же время и последней вспышкой!»

Так и хочется спросить:

– А зачем же вы против нее в таком случае выступали?

Интересно было бы узнать и то, какие это народные массы страдали в той же процветающей во всех отношениях Германии, которая становилась одной из самых развитых стран мира?

Более того, именно эти самые «народные массы» были настроены весьма воинственно и мечтали о мировой гегемонии Германии.

В то самое время, когда большевики покидали Думу, министр иностранных дел Сазонов задумчиво сидел в своем кабинете.

А задуматься было над чем.

Начало, по сути дела, войны против Сербии, лишний раз напоминало о том, что золотое время дипломатии, когда любая многозначительная пауза в разговоре имела значение, закончилось.

Да, он еще мог предвидеть события, но уже не мог ими управлять.

Не могло его не тревожить и заявление Георга V брату германского императора Вильгельма II принцу Генриху.

– Мы, – сказал он, – приложим все усилия, чтобы не быть вовлеченными в войну, и останемся нейтральными...

Министр пожал плечами: с одной стороны, «мы останемся нейтральными», а с другой – приказ Морского министерства о задержке демобилизации во флоте.

Вот и пойми этих англичан.

Интересно, что они запоют, если правительство Бельгии примет переданную ему сегодня через МИД составленную начальником Генштаба Германии Мольтке ноту с требованием пропустить германские войска к французской границе через бельгийскую территорию?

А вот французы радовали.

В этот день их Совет министров постановил прекратить отправку войск в летние лагеря, отменить предоставление отпусков офицерам и солдатам и усилить охрану пограничной полосы.

Было введено в действие и «Положение об угрожающей опасности».

Но точно также он понимал и то, что все дело было не в Австро-Венгрии (чего она одна стоила?), а в стоявшей за ней Германии.

Как это было не печально, но министр прекрасно знал и то, что уступать было нельзя.

Уступив еще раз, Россия могла потерять титул великой державы и получить статус державы второстепенной.

К тому же, Сазонов был хорошо знаком с планом Шлиффена, и прекрасно понимал: самолюбие самолюбием, но бить немцы будут не по нему, а по живым людям.

Когда он вышел из министерства, на него набросилась целая толпа возбужденных журналистов.

«Для этих главное сенсация! – брезгливо поморщился Сазонов. – А там хоть трава не расти!»

Вслух же он сказал:

– Пока еще ничего не ясно. Но я хочу вас попросить вот о чем: вы можете метать молнии в Австрию, но ни в коем случае не трогайте Германию!

Журналисты на мгновение замолкли, ожидая от министра более пространных комментариев, однако тот, как показалось многим, обреченно махнул рукой и уселся в ожидавшее его авто.

Машина мягко тронулась, недовольные столь коротким интервью журналисты остались позади.

– Впрочем, – грустно усмехнулся министр, – можете трогать и Германию! Все равно ничего не изменить...

После утреннего чая 27 июля Николай II сел за письменный стол и макнул перо в чернила.

Царь взглянул на лежавший перед ним лист чистой бумаги и вспомнил свой недавний разговор с бывшим министром внутренних дел П.Дурново.

Тот убеждал его в том, что союз с Францией и Англией противоестественен для России.

– Россия и Германия, – говорил бывший министр, – представляют в цивилизованном мире яркое консервативное начало, противоположное республиканскому. Наша война с немцами неизбежно ослабление мирового консервативного режима. Более того, нет никакой разницы в том, кто кого победит, Россия Германию, или Германия Россию. Независимо от этого в побежденной стране неизбежно возникнет революция, но при этом социальная революция из побежденной страны обязательно перекинется в страну победившую, и именно поэтому не будет ни побежденных, ни победителей, как не будет и нас вами! Что же касается России, то любая революция в ней примет социалистические формы...

Так думал не только бывший министр.

Уже упоминавшийся выше посланник в Цетинье А.А. Гире после тщательного анализа событий последних лет также выступил за изменение российской политики на Балканах: от конфронтации с Австро-Венгрией к сотрудничеству с ней в «духе Мюрцштега».

Конечно, Николай не мог не понимать того, что по своему духу Германская империя куда ближе России, нежели республиканская Франция, уже однажды перевернувшая Европу.

О чем и сказал тогда Дурново.

– Я все понимаю, – ответил царь своему бывшему министру. – Но обстоятельства сильнее нас. Нами движет рок...

Вряд ли Николай не понимал и того, что его заступничество за Сербию приведет к трагедии мирового масштаба.

Сложно сказать, сомневался ли в эту ответственную минуту царь в том, следует ли ему до конца исполнить свой долг христианина, или изменить данному им слову...

Если верить автору книги «Николай II» Н.Боханову, то никаких сомнений царь не испытывал.

«Император, – пишет Боханов, – не хотел войны. Он прекрасно сознавал, что любой вооруженный конфликт неизбежно принесет страдания, лишения, смерть.

В глубине души всегда являлся противником насилия, а когда ему приходилось с ним сталкиваться, неизбежно испытывал сожаление, а часто и раскаяние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.